

Андрей Воронин

ЛОВУШКА ДЛЯ
СЛЕПОГО

МИНСК
ХАРВЕСТ

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Ловушка для слепого

«ХАРВЕСТ»

2015

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бен=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Слепой. Ловушка для слепого / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2015 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-3639-6

Умело оперируя воровскими законами, подполковник Раскошин задумал обеспечить свою старость большими деньгами. А где ж такие взять? Естественно, украсть из-под носа у их законных обладателей, для этого-то и понадобились ему наивные робингуды, которых хлебом не корми, дай только восстановить попорченную справедливость, даже если она, справедливость эта, выходит за рамки уголовного кодекса. Но волею судеб случай сталкивает московского робингуда с другим эфэсбэшником, который не потерял офицерской чести и верности воинской присяге, и пусть его нынешняя деятельность тоже не вписывается в официальные рамки закона и порядка, но, будьте уверены, ни один мерзавец не уйдет от уготованной ему участи, если на него пал пристальный прищур Глеба Сиверова, по кличке Слепой.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бен=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3639-6

© Воронин А. Н., 2015
© ХАРВЕСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Воронин
Слепой. Ловушка для слепого

© Подготовка и оформление. ООО «Харвест», 2015

Глава 1

Даже самой поздней осенью порой выпадают деньки, словно специально созданные для того, чтобы радоваться жизни. Солнце в эти дни светит так, будто в него только что ввернули новую лампочку, небо сверкает почти неестественной синевой, а воздух бодрит, как содержимое кислородного баллона. В такие дни засаленные подонки, уже много лет прозябающие на обочине жизни, выползают на солнышко из своих тараканьих нор, растирают грязными ладонями небритые, испитые лица и, щурясь от яркого света, говорят друг другу: «Погодка-то, а? Так и шепчет: займи да выпей».

День, о котором пойдет речь, увы, не относился к числу этих чудесных осенних дней. Это был денек другого сорта, из тех, в которые совершается рекордное количество самоубийств, а на серые улицы выходит победоносная армия вирусов, поднимая над собой мятые знамена несвежих носовых платков. В такие дни измученный грязью и сыростью прохожий мечтает о зиме так же, как сходящий с ума от боли больной раком мечтает о смерти, надеясь, что та избавит его от страданий.

Было начало ноября, и в Москве третьи сутки шел дождь. Глядя в серое, как бетонная стена, казавшееся низким и похожим на ошупь на влажный матрас небо, представлялось невероятным, что где-то там, над мокрой паклей дождевых туч, в синеве сияет солнце. По мокрым тротуарам, влажно поблескивая, плыли черно-коричневые реки зонтов, среди которых то и дело яркими пятнами пестрели дамские зонтики. Их легкомысленная расцветка не спасала положения: город казался таким же серым, как и окружающий воздух. Зонты текли по узкому пространству между отсыревшими громадинами зданий и рычащим, курящимся нечистым паром и выхлопными газами потоком автомобилей, которые, сталкиваясь, закручиваясь водоворотами, скапливались у пешеходных переходов. Здесь они терпеливо ждали зеленого сигнала светофора, чтобы броситься на проезжую часть, как в атаку, и торопливо пересечь ее перед оскаленными радиаторами готовых к стремительному рывку автомобилей.

Человек, сидевший за рулем похожего на реактивный истребитель спортивного «шевроле», замершего у стоп-линии в крайнем левом ряду, расслабился на сиденье, терпеливо пережидая поток пешеходов. Невыразительное лицо с тяжеловатыми, будто вылепленными из сырого теста чертами приобрело выражение терпеливой скуки, а тусклые серо-зеленые глаза смотрели прямо перед собой, скользя по проплывающей мимо толпе так, словно это был бетонный забор или какое-нибудь другое препятствие, неодушевленное и совершенно не представляющее интереса. Отношение водителя «шевроле» к пешеходам целиком укладывалось в единственную фразу из услышанного однажды анекдота: «Для вас, козлов, подземный переход построили».

Его сосед нервно поерзал на сиденье, роясь в карманах плебейской кожаной куртки и поблескивая линзами старомодных очков в черной пластмассовой оправе на пол-лица, извлек из недр своей одежды мятую пачку сигарет, пошуршал целлофаном, чиркнул колесиком зажигалки, закурил и откинулся на спинку сиденья, выпуская дым через ноздри.

– Не пойму, – сказал он, порывистым жестом взъерошивая смоляную шевелюру и держа себя за кончик длинного крючковатого носа, – откуда их столько? Ты посмотри, валят и валят... Погода – дерьмо, грязи по колено, «жигуленок» в наше время купить – как два пальца обмочить, а они все равно пешком, как, скажи ты, в каменном веке. Или это у них считается здоровым образом жизни?

– Лохи, – лаконично ответил водитель таким тоном, словно речь шла о другом биологическом виде.

– Лохи, – повторил очкарик, куря сигарету короткими нервными затяжками и держа ее по-солдатски, огоньком в ладонь. – Лохи... «Лохи» – это просто слово. Четыре буквы, два

слога, и больше ничего. Я пытаюсь разобраться: что им всем мешает жить по-человечески? Неужели так трудно заработать каких-то три-четыре штуки и купить себе колеса? Нет, они будут ходить под дождем и давиться в метро...

Водитель медленно перевел на пассажира взгляд и некоторое время разглядывал его через плечо, будто диковинное насекомое. На светофоре зажегся желтый, и водитель переключил передачу, терзая газ и подгоняя отставших пешеходов грозным ревом мощного двигателя. Когда шедшая последней обширная тетка в ядовито-синем кожаном плаще, семена на высоких каблуках, проскочила мимо переднего бампера «шевроле», водитель отпустил сцепление, и автомобиль ракетой сорвался с места, взвизгнув покрывками и сразу оставив позади все остальные автомобили. Несмотря на тупое выражение своей тяжеловесной физиономии и общую заторможенность, Михаил Дынников по кличке Тыква был водителем экстра-класса и мог бы, наверное, брать призы на каких-нибудь ралли или трековых гонках. Умение водить машину было у него в крови и костном мозге, и он не помнил времени, когда этого умения не было. Он сидел за рулем с тех пор, как начал доставать до педалей, и примерно с того же времени принялся угонять всевозможные транспортные средства, поскольку знакомые автолюбители не могли удовлетворять его страсть к вождению все двадцать четыре часа в сутки. Впервые он сел за угон еще по малолетке, а всего таких посадок было три.

Впрочем, в колонии Тыква не объявлялся уже лет пять и успел за это время основательно остепениться и даже приобрести собственную машину. Баснословно дорогой и расточительно мощный «шевроле» был словно создан для Дынникова, и внутри Садового кольца этой парочке было откровенно тесно. Пассажир Тыквы всегда испытывал сильнейшие опасения за свою жизнь, когда тот принимался играть в пятнашки со встречным и попутным транспортом, так что садиться в машину к нему рисковал далеко не каждый, да и не каждого он туда сажал, если уж на то пошло.

– Вот смотри, – вдруг заговорил Тыква, когда его сосед уже перестал ждать ответа на свою предыдущую реплику. – Смотри, что это такое – лохи на колесах. – Он с визгом покрывшек обогнул перегруженный «гольф», медленно тащившийся по разделительной линии между двумя полосами. – Видишь, что делает? Сам не едет и другим не дает. А если бы вся эта толпа села за руль и выехала на дорогу?

– Да, – неестественно хохотнул его попутчик, стараясь не отводить взгляд от бешено несущейся навстречу мокрой, запруженной автомобилями улицы, – тогда тебе точно пришлось бы самолет покупать.

– А я ходил в аэроклуб, – спокойно заметил Тыква, рвякая клаксоном на зазевавшийся «запорожец». – Целый год.

– Ну?! – весело поразился пассажир. – Оно и видно. Что ж бросил?

– Я не бросил, – по лицу Тыквы промелькнула смутная тень сожаления. – Я сел.

В боковое стекло со стороны пассажира со стуком и плеском ударила волна грязной воды, и тот, вздрогнув, втянул голову в воротник кожанки. Краем глаза уловив этот жест, Дынников едва заметно приподнял левый уголок своего невыразительного, безвольно опущенного рта, что означало пренебрежительную улыбку.

– Что-то ты нервный сегодня, – сказал он, демонстрируя небывалую словоохотливость. – Не выпался?

– А? – слегка вздрогнув, переспросил очкарик. – Нервный? Ну, знаешь, с тобой ездить... Пересадить бы тебя на «запорожец».

– А мне без разницы, – проскакивая перекресток на желтый свет, сказал Тыква. – Я и на «запоре» могу, и на инвалидной коляске. Я этих уродов пешком могу обогнать.

– Верю, верю, – поспешно сказал очкарик, заметив, что скорость «шевроле» опять увеличивается. – Верю на слово, не надо доказывать.

– А я ничего не доказываю, – небрежно ответил Тыква. – Я еду. Хочу попасть под «зеленую волну».

«Шевроле» пулей пронесся по Новому Арбату, все время держась в крайнем левом ряду, и вылетел на Кутузовский. Здесь Дынников сбросил скорость почти до разрешенной и перестроился в правый ряд, действуя с четкостью тщательно отлаженного и запрограммированного механизма. Очкарик вздохнул с облегчением человека, чудом уцелевшего там, где уцелеть было практически невозможно. Поездка по городу в автомобиле, за рулем которого сидел Тыква, по остроте ощущений была сравнима с «тарзанкой» – к этому можно притерпеться, но не привыкнуть.

Скорость продолжала падать. Очкарик первым разглядел шагнувшего к обочине человека в черной матерчатой куртке и указал на него. Тыква остановил машину вплотную к бордюру, очкарик вышел под дождь и откинул спинку кресла, освобождая доступ к заднему сиденью. Человек в куртке сделал неопределенное движение бровями, и очкарик, словно спохватившись, поспешно юркнул назад. Тыква снова едва заметно улыбнулся: очкарика он не жаловал и никогда не давал себе труда скрывать это обстоятельство.

Человек в черной куртке сел на переднее сиденье и кивнул Дынникову: трогай. Спортивный «шевроле» оторвался от бровки тротуара и влился в транспортный поток на Кутузовском, почти сразу перестроившись в крайний левый ряд и набрав прежнюю самоубийственную скорость. Вновьприбывший вынул из кармана пачку сигарет, откинул крышечку и закурил, не снимая тонких кожаных перчаток и не предлагая своим попутчикам угоститься.

У него было тонкое нервное лицо с гладко выбритыми щеками и немного застенчивой улыбкой, которая открывала неровные передние зубы. Из-под куртки, плечи которой намokли от дождя, кокетливо и вместе с тем солидно выглядывал белоснежный воротник крахмальной сорочки, туго стянутый узлом строгого черного галстука. Прическа у него была аккуратная, не имевшая ничего общего ни с бандитским «ежиком», ни с неформальными патлами – ни дать ни взять банковский служащий средней руки, дорожащий своей работой и активно делающий карьеру. Курил он неторопливыми глубокими затяжками – так, словно год в глаза не видел сигарет и теперь смаковал каждый кубический миллиметр дыма. Он всегда курил именно так, и, глядя на него, все присутствующие неизменно начинали испытывать острое желание составить ему компанию. Это относилось не только к курению: он был прирожденным лидером и делал со вкусом буквально все – от употребления кофе до взлома замков.

Очкарик некоторое время боролся с искушением, но в конце концов сдался и тоже закурил. Он полагал себя человеком тонкой душевной организации, во многом превосходящим тот сброд, с которым ему приходилось общаться, и потому всякий раз искренне огорчился, поддавшись обаянию человека с переднего сиденья. Чтобы как-то компенсировать моральный ущерб, он перебросил сигарету в угол рта и насмешливо спросил, щурясь от попадавшего в глаз дыма:

– Слышь, Активист, а ты что же, перчатки и перед сном не снимаешь?

Тот, кого он назвал Активистом, покосился на него через плечо. В этом взгляде не было ничего, кроме пытливого интереса.

– Снимаю, – спокойно ответил он. – Дома я хожу без перчаток, если это тебя интересует. А что, тебя это волнует?

– Да все нормально, – немного сник очкарик. – Просто не пойму, зачем они тебе. Ходишь, как трахнутый злодей из кино...

– Мне не нравится слово «трахнутый», – заметил Активист.

– Извини, – еще больше стушевался зарвавшийся очкарик.

– А перчатки я ношу потому, что мне это нравится, – продолжал Активист так, словно его не перебивали, – и еще потому, что не имею дурной привычки оставлять свои пальчики

где попало. Представь себе, что через час твое тело найдут в этой самой машине. Здесь нет ничего, что указывало бы на меня, а Миша никому не скажет. Правда, Мишук?

Тыква совершенно серьезно кивнул. С чувством юмора у него было туговато, зато он умел молчать и готов был пойти за Активистом в огонь. Очкарику это было отлично известно, и он испуганно поджался на заднем сиденье: Дынников шутить просто не умел, а с Активистом вечно невозможно было понять, шутит он или говорит всерьез.

– Расслабься, Телескоп, – сказал Активист, заметив, как вытянулось и побледнело синеватое от проступавшей сквозь кожу щетины лицо очкарика. – Это был просто пример. Помнишь, как в школьных учебниках по русскому языку писали: «Например: зима – зимний, мокруха – мокрый...».

– Тыфу, – сказал Телескоп и раздраженно раздавил сигарету в пепельнице. Курить ему расхотелось напрочь.

Тыква снова перестроился и свернул на 1812 года улицу, направляясь к Филям. Активист докурил сигарету и потушил окурочек в стальной карманной пепельнице. Зашелкнув круглую крышечку, он убрал пепельницу в карман и, поймав в зеркале заднего вида взгляд Телескопа, подмигнул ему.

– Не оставляя следов, – назидательно повторил он.

Вскоре Тыква остановил машину напротив голого сквера с мокро поблескивающими под дождем зябкими липами и лоснящейся от влаги чугунной витой оградкой. Подняв воротники, все трое выбрались под дождь и, перепрыгивая лужи, двинулись по тротуару. Активист широко и целеустремленно шагал впереди, глубоко засунув руки в карманы. Было самое начало четвертого, но из-за низких туч казалось, что уже наступил вечер. В густых темных волосах Активиста поблескивали дождевые капли, Телескоп ежился и вертел шеей, когда дождевики падали за воротник его турецкой кожанки, то и дело принимаясь протирать стекла очков, а Тыква сердито тряс головой и время от времени проводил короткопалой ладонью по коротко стриженным волосам. На плече у него висела серая спортивная сумка, и из всех троих именно он походил на бандита.

На углу возле гастронома их поджидал какой-то скукоженный субъект под сломанным коричневым зонтом, один край которого бессильно обвис книзу, как перебитое крыло летучей мыши. Субъект зябко переступал ногами в огромных, лопнувших по швам и совершенно раскисших от воды грязно-белых кроссовках и дымил сигаретой без фильтра, распространявшей тяжелый, удушливый смрад. Увидев Активиста, он бросил бычок в лужу и подался вперед, но Активист прошел мимо него, как мимо пустого места, и обронил, не разжимая губ:

– Во двор.

Двор был старый, густо заросший корявой сиренью и старыми вполобхвата кленами. По случаю нелетной погоды скамейки перед подъездами пустовали, как и почерневшая от времени и непогоды беседка в глубине двора.

– Он дома? – спросил Активист у скукоженного субъекта.

– Дома, дома, – лязгая зубами не то от холода, не то от волнения, подтвердил тот.

Активист, едва заметно морщась, окинул взглядом небритую, испитую физиономию, синеватую болоньевую курточку и замызганные, сильно обтрепанные джинсы, поправил рукой в перчатке узел галстука и спросил:

– Сколько, говоришь, он тебе должен?

– Четыре тысячи, – снова начиная неловко переминаясь, ответил скукоженный. – Иди, говорит, на хер, не брал я у тебя никаких денег...

– Ша, – оборвал его Активист. – Это я уже слышал. Спрашиваю в последний раз: деньги он брал? Если узнаю, что ты пошутил, это будет твоя последняя шутка.

– Да брал, брал, – зачастил скукоженный, истово прикладывая к впалой груди грязноватый кулак. – Выручай, говорит, зарез мне полный...

– Я же просил: не надо художественной литературы. Условия знаешь? Мы работаем из двадцати пяти процентов.

– Нормальные люди берут половину, – негромко проворчал Телескоп, но Активист даже не оглянулся.

Скукоженный кивнул, все еще прижимая к груди кулак.

– Дом мамашин продал, – невнятно пробубнил он. – Хороший дом, пятистенок, и от Москвы всего ничего – двести верст...

Активист его уже не слышал – он нырнул в воняющую кошками темную пасть подъезда. Телескоп сдержанно вздохнул и шагнул следом. Тыква отодвинул скукоженного с дороги и вошел последним.

– Погуляй, – сказал он скукоженному, и тот, уныло кивнув, побрел на свое место у гастронома.

Приятель скукоженного, кинувший его на четыре тысячи, жил на третьем этаже. Дом был старый, построенный со сдержанным размахом достопамятных сталинских времен, и на лестничную площадку выходило всего две квартиры. Поднимаясь по лестнице, Тыква вынул из-за пазухи и натянул на голову шерстяной спецназовский шлем-маску с прорезями для глаз. Активист и Телескоп уже были в масках. Телескоп залепил глазок в соседней двери пластилином и обрезал телефонный провод, а Активист, позвякивая связкой отмычек, возился с замками богато отделанной железной двери, тихо насвистывая сквозь зубы. В левой руке тускло поблескивал вороненой сталью старенький «вальтер». Щуплый Телескоп вынул из-под кожанки обшарпанный наган и встал позади Активиста, из-за блестящих в прорезях маски очков до жути похожий на какого-то чокнутого инопланетянина. Медлительный Тыква потянул «молнию» сумки и не спеша вынул дуствольный обрез с обмотанной красной изолентой рукоятью. Теперь вся троица была в перчатках.

Активист потратил на оба замка в общей сложности около четырех минут и бесшумно распахнул тяжелую дверь.

– Твою мать, – тихо сказал у него за спиной Телескоп, увидев за первой дверью вторую.

Теперь стало слышно, что внутри квартиры работает включенный на всю катушку телевизор – там раздавалась стрельба, какие-то дикие вопли и хлесткие звуки ударов.

– Все как у людей, – сказал Телескопу Активист и повернулся к Тыкве: – Мишук, может, ты откроешь? Время – деньги.

Тыква отодвинул его в сторону, бегло осмотрел дверь, пожал плечами и коротко ударил ногой по замку. Косяк с треском вылетел, дверь распахнулась, и Тыква ворвался в квартиру, держа обрез у плеча стволами вверх. Активист стремительно и бесшумно нырнул за ним. Телескоп вошел последним, аккуратно закрыв за собой железную дверь и заперев ее на замок.

Тыква был уже у самых дверей гостиной, когда хозяин квартиры, плотный, почти квадратный бородач в малиновом халате, выскочил ему навстречу, привлеченный шумом. Он схватил в волосатом кулаке огромный газовый пистолет, который тут же отлетел в угол, разбив стоявшую на низком столике керамическую вазу. Бородач охнул и сел на пол, прижимая ладони к окровавленному лицу. Тыква потряс в воздухе ушибленной левой кистью и от души врезал бородачу ногой по ребрам, продолжая держать обрез стволами вверх во избежание несчастного случая.

– Говори, где деньги, ты, дерьмо, – гнусавым голосом переводчика пиратской видеостудии проквалкал в гостиной телевизор.

– Слышал, что умные люди говорят? – сунул хозяину под нос лоснящийся ствол нагана Телескоп. – Колись, борода, а то я сегодня нервный. За тобой должок, ты не забыл?

– Поищи у меня в заднице, – прогнусавил телевизор.

Активист хмыкнул, перешагнул через хозяина квартиры и вошел в гостиную. На большом плоском экране телевизора маячило залитое кровью небритое лицо. Активист легонько

похлопал по телевизору обтянутой черной кожей ладонью и вдруг резким рывком сбросил телевизор с подставки. Кинескоп лопнул с похожим на пистолетный выстрел треском, зазвенело стекло, и в наступившей тишине Тыква проревел неестественно громким голосом:

– Говори, где деньги, козел!!!

Хозяин поднял к нему смятое и влажное, неприятно поблескивающее лицо, и тут Телескоп пнул его в подбородок.

– Какие... деньги? – валясь на бок, прохрипел хозяин. – У меня ничего... Возьмите вещи... аппаратуру... Денег нет, клянусь.

– Все на евроремонтик истратил? – с лютым весельем прошипел Телескоп.

Тыква коротко размахнулся и треснул хозяина по шее стволами обреза. Активист безжалостно выворачивая на пол содержимое шкафов и ящиков и обрывая обои везде, где за них можно было ухватиться. Телескоп немного постоял над хозяином, примериваясь, куда бы еще ударить, дернул плечом и присоединился к Активисту. Дынников напоследок еще разок пнул жертву в ребра, бросил обрез в сумку, достал пружинный нож и без предисловий вспорол кожаную обивку стоявшего у стены углового дивана. Хозяин застонал, словно холодное лезвие прошлось по его животу.

– Дорогой диванчик, – прокомментировал этот стон Телескоп, занятый простукиванием стен. – Должок вернуть, наверное, было бы дешевле.

Тыква тем временем извлек из своей чудо-сумки короткую монтировку и с хрустом выворотил дорогой пластиковый подоконник. Посыпались куски штукатурки, пластиковая оконная рама крикнула, но устояла. Хозяин заскулил. Тыква наклонился и, чихая от пыли, поднял с замусоренного штукатуркой паркета полиэтиленовый пакет, перетянутый аптекарской резинкой.

– Баксы, – сказал он, заглянув в пакет. – Тысяч пять-шесть.

– С почином, – поздравил его Активист. – Значит, где-то есть еще. Не может же он каждый раз подоконник выколупывать, когда ему с телкой расплатиться надо.

– А ты говорил, нету, – с упреком сказал Тыква и несильно ударил бородача монтировкой по спине. Хозяин взвыл и попытался отползти. – Только не вздумай орать, – предупредил Дынников, – не то возьму грех на душу. Говори, где деньги!

– Мамой клянусь, больше нет, – прохрипел хозяин.

– Мамой клянется, – с некоторым сомнением повторил Тыква, оборачиваясь к Активисту.

– У таких, как он, мамы не бывает, – уверенно ответил Активист. – Они, как бациллы, размножаются делением. Ищи, должны быть.

Телескоп уже со звоном и лязгом орудовал на кухне. Активист направился в спальню, по дороге словно бы невзначай сбросив на пол и растоптав трубку сотового телефона, а Тыква вышел в прихожую и взялся за фигурную медную ручку на двери ванной. Ванная оказалась запертой. Тыква неопределенно хрюкнул, вогнал заостренный конец фомки в щель между дверью и косяком и коротко двинул плечом. Что-то хрустнуло, звякнуло, дверь распахнулась, и вместе с клубами влажного теплого пара в прихожую вырвался истошный женский визг. Активист выглянул из спальни, но раздался звук тяжелой пощечины, и визг оборвался, сменившись тихим скулежом.

Тыква пинком вышвырнул из ванной совершенно голую девку с растрепанными мокрыми волосами, выкрашенными в тигровую черно-желтую полоску.

– Чего женщину пинаешь, урод? – возмутилась она, не делая ни малейшей попытки прикрыться.

– Может, он расколется, если ей сосок открутить? – спросил Тыква у Активиста, не обращая на слова девки никакого внимания.

– Вряд ли, – сказал Активист. – Ты что, не видишь, что она с Тверской?

– Да, – сказал Дынников, – похоже. Сиди тихо, – добавил он, поворачиваясь к проститутке, – и мы тебя не тронем.

– Одеться можно? – капризно спросила та.

– Одевайся, – разрешил Активист, скрываясь в спальне. Через мгновение там что-то затрещало и посыпалось.

Тыква вернулся в ванную и принялся шарить там, опрокидывая какие-то флаконы и роняя навесные шкафчики. Когда он перешел в туалет, хозяин вдруг вскочил, схватил длинный осколок керамической вазы и устремился в атаку с нечленораздельным воплем. Тыква развернулся и свалил его прямым в челюсть. Хозяин плашмя упал на пол в прихожей, ударившись затылком, и затих, не подавая признаков жизни. Тыква наклонился, пощупал у него пульс, удовлетворенно кивнул и занялся унитазом. В смывном бачке обнаружился запаянный пакет с белым порошком, а в вентиляционной отдушине – еще один сверток с долларами.

Они сошлись в прихожей, остановившись над распростертым на полу телом. Телескоп весь перемазался мукой и в ответ на вопросительный взгляд Активиста лишь отрицательно покачал головой, тщательно отряхиваясь и норовя заглянуть себе на спину. Тыква предъявил свою добычу, а Активист присовокупил к ней увесистый брикет российских рублей.

– Неплохо, – сказал он и повернулся к проститутке, которая к этому времени уже успела одеться и теперь сидела на распоротом диване, похожая на мокрую пеструю курицу. – Сколько он тебе должен? – спросил он, кивая себе под ноги.

– Триста, – глядя ему в глаза, нахально заявила девица.

– Да тебе красная цена – полтинник деревянными, – возмутился Телескоп, но Активист уже бросил на пол три бумажки по сто долларов.

– Десять минут, – с нажимом сказал он. – После этого можешь делать что угодно: кричать, звать на помощь, звонить в милицию. А лучше всего – просто мотай отсюда.

– Пришить бы обоих, – негромко высказался за спиной Телескоп.

Активист даже не обернулся.

– Десять минут, договорились? – повторил он.

Проститутка кивнула.

* * *

Они высадили своего заказчика возле станции метро «Багратионовская». Скукоженный еще раз многословно поблагодарил их, с треском раскрыл свой покалеченный коричневый зонт и с явным облегчением заторопился прочь, шлепая по лужам рваными кроссовками сорок шестого размера и унося за пазухой три тысячи долларов.

– Эх, – со вздохом сказал Телескоп, глядя ему вслед, – зря мы его отпустили, Активист. Зачем ему три штуки? Все равно пропьет.

Активист некоторое время молчал, глядя, как пятнают очищенное «дворниками» лобовое стекло упрямые дождевые капли.

– Эдя, – сказал он наконец. – Эдя-бредя, съел медведя... Кто-то сказал, что все зло в мире от женщин. Это неправда, Эдя. Все зло – от жадности, и судьба нашего бородатого приятеля лишний раз подтверждает мой тезис. – Он вздохнул, по-прежнему глядя прямо перед собой. – Пойми, друг мой Эдуард: три тысячи – это его доля. Доля, понимаешь? Та, которую мы – я – ему обещали. Должно же быть в этом вонючем мире что-то, чему можно верить, как ты полагаешь? – Он снова вздохнул, помолчал, словно дожидаясь ответа, не дождался и кивнул Тыкве: – Поехали домой, Миша. Надо подбивать бабки и разбегаться в стороны.

Спустя какое-то время Тыква загнал «шевроле» в просторный, но довольно запущенный гараж неподалеку от Калитниковского кладбища. Вдвоем с Телескопом заперев ворота изнутри, они подошли к верстаку, на котором Активист уже раскладывал взятую у незадачли-

вого бородача добычу. Действуя с ловкостью и неуловимой для глаза скоростью опытного банкомета, он разбросал деньги на три одинаковые кучки, время от времени прерываясь, чтобы сбить пепел с дымившейся в углу рта сигареты. Это зрелище поневоле завораживало, и Тыква с Телескопом застыли как вкопанные, не отрывая глаз от мелькавших с бешеной скоростью рук Активиста.

– Вот и все, – сказал Активист, коротким жестом придвигая к ним две кучки. Третья так и осталась лежать на поверхности верстака. – Желающие могут пересчитать.

– Чего там пересчитывать, – проворчал Дынников и потянулся к своей кучке. – Что мы, друг друга не знаем?

– Минутку, Мишель, – остановил его Активист, глядя при этом почему-то не на Тыкву, а на Телескопа. Сигарета по-прежнему дымилась в углу его рта, заставляя его сильно щуриться, и от этого казалось, что он не просто смотрит, а целится. – Эдик, ты ничего не хочешь добавить?

– Не понял, – высоким и ломким от волнения голосом сказал Телескоп и, по обыкновению, сильно потянул себя за кончик длинного крючковатого носа. Активист попытался заглянуть ему в глаза, но не смог – в линзах очков плясали блики от ламп дневного света, совершенно скрывая зрачки.

– Не понял? – удивленно переспросил Активист. – Повторяю: ты ничего не хочешь добавить нам с Майклом?

Телескоп вдруг одной рукой цапнул с верстака свою долю, а другой выхватил из-за пазухи наган. Взвести курок он не успел: стоявший в шаге от него Тыква нанес ему страшный удар локтем в лицо и сразу же добавил в солнечное сплетение. Щуплый Телескоп мучительно захрипел, складываясь пополам и норовя повалиться на испятнанный машинным маслом бетонный пол, но Тыква подхватил хиялка и заставил стоять прямо. Здоровенная пятерня Дынникова рыбкой нырнула во внутренний карман телескоповой кожанки и вернулась оттуда с добычей. Телескоп дернулся, но Тыква нежно взял его за глотку могучей пятерней и слегка сдавил.

– Что же ты, паскуда? – ласково спросил он, свободной рукой выворачивая наган из безвольно повисшей руки Телескопа. – Что ж ты делаешь-то, шваль?

– Это мои, – прохрипел Телескоп, хлюпая сочащейся из разбитого носа кровью. – Охренели вы, что ли? Мои это, ясно?

– Ясно, – кивнул Активист, раздвигая стодолларовые купюры бледно-зеленым веером и снова сбывая в пачку. – Ты пошел на дело, имея в кармане три штуки на мелкие расходы. Это, конечно, странно, но дело твое. Только почему они все в муке?

Телескоп вдруг ударил Тыкву коленом в пах, боднул его головой в подбородок и бросился к закрытым воротам. Он успел сделать всего один шаг, прежде чем длинная, как стрела автокрана, ручища Тыквы ухватила его за воротник куртки и мощным рывком швырнула на пол. Активист посторонился, давая Телескопу упасть, закурил новую сигарету и безучастно отошел в угол. Он докурил до самого фильтра, равнодушно разглядывая небрежно оштукатуренные стены гаража и невольно морщась от звуков, доносившихся из-за верстака. Убрав окурок в карманную пепельницу, он обернулся и негромко хлопнул в ладоши.

– Все, – сказал он, – достаточно. Оставь его, Медведь.

Одышливо пыхтя, Тыква отступил от распластавшегося на испачканном красным бетоном Телескопа. Делая шаг назад, он наступил на валявшиеся поодаль разбитые очки. Оправа жалобно хрустнула под толстой подошвой тупоносого ботинка.

– Коз-зел, – процедил Тыква, озабоченно вращая кистью и прислушиваясь к своим ощущениям: ему показалось, что он повредил сустав.

Активист подошел к верстаку, брезгливо переступив через копошившегося на полу Телескопа. Телескоп издавал множество звуков – стонал, хлюпал, скреб подошвами по бетону, всхлипывал и что-то неразборчиво бормотал. Он напоминал огромного раздавленного червя – титанического опарыша, такого же бледного, грязного и отвратительного до тошноты.

Активист снова начал делить деньги. Пока он с ловкостью фокусника тасовал купюры, дрожащая, перепачканная кровью рука протянулась снизу и ухватила его за штанину. Активист отпихнул эту РУКУ-

– Убери его отсюда, – сказал он Тыкве, брезгливо кривя рот.

Дынников наклонился, ухватил Телескопа за шиворот и волоком потащил к машине. Телескоп что-то жалобно забормотал, но Тыква заткнул ему рот очередным пинком под ребра.

Закончив делить деньги, Активист взял с верстака пакет с белым порошком и задумчиво взвесил его на ладони. Это тоже были деньги, причем, судя по весу пакета, немалые. По самой скромной оценке, пакетик тянул тысяч на двадцать. Активист закурил еще одну сигарету и снова подбросил пакет на ладони, задумчиво разглядывая его сквозь лениво ползущие кверху завитки голубоватого дыма.

– К черту, – сказал он наконец. – Где-то надо подвести черту.

Держа пакет двумя пальцами, он прошел к укрепленному в углу умывальнику, пустил воду, надорвал пакет и стал тонкой струйкой сыпать порошок в жестяную раковину. Неровная струя воды, дребезжа о жестяное дно, подхватывала белые крупички и уносила в канализацию. Активист сыпал порошок в раковину неторопливо, словно этот процесс доставлял ему удовольствие. На фоне порывшейся эмали порошок казался особенно белым.

Позади хлопнула крышка багажника, послышались шаги, и через мгновение к Активисту подошел Тыква. Увидев, чем занят его товарищ, Дынников беспомощно хватанул воздух разинутым ртом.

– С-слушай, – с трудом выдавил он, – да вы что сегодня, все белены объелись? Это же кокс! Его же тут штук на пятнадцать... было.

– На двадцать, – не поворачивая головы, поправил его Активист. – Минимум на двадцать. Но я не стану продавать это дерьмо. И тебе не дам.

– Но можно же было найти толкача...

– Миша, – перебил его Активист, – скажи: я хотя бы раз подвел тебя? Обманул? Подставил? Кинул?

– Нет, – растерялся Тыква, – что ты? Я же просто к тому, что это живые бабки...

– Это кровавые бабки, – сказал Активист, небрежно стряхивая пепел с сигареты на быстро тающую белую кучку в раковине. – Представь себе, что толкач, которого ты наймешь, придет в школу к твоей Машке.

– Закопаю, – после короткого раздумья сказал Тыква. – Живьем закопаю сучью тварь.

– Вот видишь, – кивнул Активист, тщательно выполаскивая пакет. – Это очень хорошо, что ты заботаешься о здоровье сестры. А теперь подумай о том, что каждый наркоман – чей-то родственник. – Он увидел, как непропеченная физиономия Тыквы начала пренебрежительно кривиться, и остановил его нетерпеливым жестом руки. – Согласен, тебя это не касается. Но чем больше этой дряни ходит по городу, тем больше шансов у твоей Машки когда-нибудь понюхать «дорожку».

– Она не такая дура, – проворчал Тыква.

– Дура или не дура, – легко сказал Активист, закручивая кран, – двадцать штук уже в канализации, и на то, чтобы их оттуда достать, не хватит даже миллиона. Так что спорить больше не о чем.

– Блаженный, – буркнул Тыква. – Одно слово – Активист. Как повяжешь галстук, береги его...

Активист рассмеялся и похлопал подельника по плечу.

– Не бухти, Мишель, – сказал он. – Жадность до добра не доводит. В нашем деле главное – вовремя остановиться. Чуть дал себе волю, зарвался – и все, ты конченный человек. Посмотри на нашего Эдика. Погорел на трех тысячах. Жадность – страшная штука, Мишук, запомни.

– Ладно, – проворчал Тыква, – хватит воспитывать. Что ты со мной, как с умственно отсталым... Кончай эту бодягу, не на митинге.

Примерно полчаса спустя спортивный «шевроле» остановился в глухом переулке, кривой загогулиной лежавшем в сыром бетонном ущелье между двумя глухими заборами с колючей проволокой поверх. К этому времени окончательно стемнело, и мертвенный зеленоватый свет горевшего в отдалении одинокого фонаря отражался от мокрого асфальта, блестевшего, как шкура змеи. С неба продолжал сеяться мелкий всепроникающий дождь, и Активист, выйдя из машины, зябко поежился, пряча тлеющую сигарету в сложенную трубочкой ладонь.

Тыква, кряхтя, выбрался следом и вразвалочку пошел к багажнику, откуда доносились размеренные глухие удары.

– Долбится, – проворчал Тыква, прислушиваясь к этим ударам. – Раздолбает мне всю машину, ублюдок.

– Выкинь его здесь, – поднимая воротник куртки, распорядился Активист. – До метро полчаса ходу, доберется.

Тыква вдруг взял его за рукав и отвел на несколько шагов от машины.

– Послушай, – вполголоса сказал он, – зачем тебе головная боль? Давай его просто пришьем.

Активист двинул плечом, высвобождая рукав, и посмотрел на Тыкву почти с жалостью.

– Пришьем? – переспросил он. – Это свежая идея. А кто пришьет – ты? У меня лично рука не поднимется убить человека из-за вонючих трех тысяч... да хотя бы и из-за трех миллионов. Бумажки не стоят жизни.

– Как знаешь, – проворчал Тыква. – Только не нравится мне это.

– Мне тоже, – коротко отрезал Активист и пошел к машине.

Вдвоем они вывалили избитого Телескопа на мостовую, и Тыква, не удержавшись, еще раз пнул его под ребра.

– Ну все, все, – невнятно пробормотал Телескоп, с трудом шевеля разбитыми губами. – Хватит, я уже все понял.

Он завозился, пытаясь подняться на ноги, и тогда Активист шагнул к нему и небрежно бросил на асфальт разлетевшуюся веером пачку банкнот.

– Твоя доля, – сказал он, глядя на Телескопа сверху вниз. – Забирай и уходи. И чтобы я тебя больше не видел, недоумок.

– Хорошо, – забормотал Телескоп, снова опускаясь на колени и торопливо шаря окровавленными руками по асфальту в поисках разлетевшихся мокрых купюр, – хорошо, хорошо...

Когда он, прихрамывая и странно перекосившись на левый бок, исчез за углом, Тыква повернул к Активисту удивленное лицо.

– Зачем ты отдал ему деньги? – спросил он. – Этому козлу?

– Это была его доля, – твердо ответил Активист, глядя вслед скрывшемуся жлобу. – Доля, понял? И давай не будем начинать все сначала, ладно?

Тыква пожал плечами, всем своим видом демонстрируя неодобрение. Ему не нравилось то, что делал Активист. В свои неполные тридцать лет Тыква хорошо усвоил простую истину: в бизнесе друзей не бывает. Это была аксиома, а Активист пытался играть по каким-то другим, своим собственным, правилам. Такие вещи обычно кончаются плохо, но Тыква не стал развивать свои мысли вслух: до сих пор он жил за Активистом как за каменной стеной и надеялся, что ошибается все-таки он сам, а не его кумир и товарищ.

От переуллка, где они выгрузили Телескопа, было рукой подать до центра, и вскоре «шевроле» уже мчался по широкой, ярко освещенной улице в плотном потоке транспорта, озаренном мерцающими вспышками рекламных щитов. Активист курил, низко съехав на сиденье и полузакрыв глаза. Видно было, что он безумно устал, но державшая сигарету рука в тонкой кожаной перчатке не дрожала. Мимо них, нарушая все правила движения и истошно завывая

включенной сиреной, в вихре красных и синих вспышек пронесся милицейский «форд», а следом за ним пулей проскочил «лендровер» спасательной службы.

– Опять где-то шарахнуло, – полувопросительно сказал Тыква, глядя вслед служебным машинам.

– Может быть, – не открывая глаз, откликнулся Активист. – Сучий город. Если бы ты знал, Мишель, как я его ненавижу.

– Город как город, – Тыква пожал покатыми плечами штангиста-тяжеловеса. – Дерьмо, конечно, зато какие бабки тут крутятся!

– Вот за это я его и не люблю, – со вздохом ответил Активист.

– Смотри, – резко меняя тему, сказал Дынников, – бар. Приземлимся?

Активист открыл глаза и провел ладонью в перчатке сверху вниз от лба к подбородку.

– На полчаса, – сказал он. – Что-то нет у меня сегодня настроения гулять.

Тыква включил указатель поворота и припарковал «шевроле» у ярко освещенных стеклянных дверей бара.

Глава 2

Виктор Шараев отпер дверь и шагнул в неосвещенную прихожую. Пробивавшийся откуда-то из кухни голубоватый лучик света от горевшего за окном фонаря тускло поблескивал на гладких вертикальных гранях и легко скользил по льдистой поверхности огромных, во весь рост, зеркал, таинственно поблескивая на отполированной латуни дверных ручек. Здесь пахло совсем не так, как в подъезде. Подъездная вонь, в которой легко угадывались кошачий запах и годами оседавшие по углам ароматы кислых щей и жареной на подсолнечном масле картошки, уступала здесь место куда более сложной и изысканной смеси ароматов: превосходный кофе, дорогой табак, индийский чай, тонкая кожа... Виктор протянул руку, безошибочно нащупал выключатель, и прихожая осветилась мягким сиянием скрытых ламп.

Шараев рывками стащил с рук черные перчатки из мягкой кожи и затолкал их в карманы куртки, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не видеть своего отражения в вертикальных полосах зеркального стекла, которые были понатыканы на каждом шагу. Это была его собственная идея – сделать прихожую почти сплошь зеркальной, но теперь она уже не казалась ему такой удачной, как полгода назад.

Раздевшись, он прошел в ванную и долго мыл руки с мылом – гораздо дольше, чем это делает хирург, готовясь к серьезной операции. Вытирая ладони полотенцем, он заметил на левой штанине бурое пятно засохшей крови, гадливо поморщился и принялся стаскивать с себя брюки. Затолкав их в круглую пасть стиральной машины, он подверг тщательному осмотру всю остальную одежду, но больше ничего не нашел. Он набрал на пульте управления программу, запустил машину, еще раз тщательно вымыл руки и покинул ванную, бесшумно ступая ногами в носках сначала по керамической плитке, а потом по гладкому паркету прихожей.

Ватная тишина пустой, отлично обставленной и идеально приспособленной для жилья и отдыха квартиры навалилась на него, приглашая лечь и расслабиться, бездумно глядя в мерцающий цветными пятнами экран телевизора. Он прошел по квартире, по дороге включая все, что можно было включить: свет, телевизор, радио, музыкальный центр, кофеварку, микроволновку, электроплиту, – и закончил свой маршрут перед платяным шкафом в спальне.

Теперь квартира наполнилась разнообразными звуками, и он с удовольствием слушал их, натягивая чистые брюки. Телевизор бормотал на разные голоса, перекликаясь с радиоточкой, музыкальный центр приглушенно лязгал древним, начала восьмидесятых, металлом, кофеварка интимно булькала и курлыккала, на плите шипела и потрескивала яичница, распространяя по квартире аппетитный дух, соперничавший со сногшибательным ароматом кофе, в микроволновке постреливали, набухая и лопаясь, сосиски – целых три, поскольку день выдался хлопотным и он не успел даже перекусить.

Затянув поясной ремень, он несколько секунд постоял, закрыв глаза и прислушиваясь к какофонии звуков и запахов, наполнявших квартиру.

– Дерьмо чертово, – сказал он наконец, протянул руку и взял с верхней полки шкафа плоскую бутылочку с коричневой жидкостью.

Коньяк разлился по телу живительным теплом. Шараев завинтил алюминиевый колпачок и поставил бутылку на место. Она стояла на верхней полке шкафа с тех самых пор, как этот шкаф собрали и установили в углу спальни. Еще одна бутылка – побольше – стояла на полочке в ванной, не говоря уже о баре в гостиной и шкафчике над мойкой в кухне. Виктор Шараев не был алкоголиком – он просто ленился бегать из конца в конец квартиры всякий раз, когда ему хотелось смочить губы.

Теперь можно было жить дальше. Виктор вернулся на кухню, по дороге выключая все лишнее: музыкальный центр, радиоточку, уже начавшую астматически хрипеть кофеварку и,

наконец, плиту. Микроволновка выключилась сама, мелодично звякнув и потушив внутри себя свет. Он выложил яичницу и сосиски на тарелку, залез в холодильник и наполнил ледяным томатным соком высокий прозрачный стакан. Стакан мгновенно запотел, и Виктор вдруг понял, что приготовил слишком скромный ужин – сейчас он готов был съесть быка.

Сгрузив провизию на поднос, он отнес все в гостиную и упал в кресло перед телевизором. На экране бестолково бегали люди в камуфляже, и, взглянув на часы, он обнаружил, что идет, оказывается, программа «Время». Он выключил телевизор, чтобы не портить себе аппетит, и поужинал в тишине.

Допив сок, Шараев почувствовал, что соловеет, и поспешно отправился на кухню за кофе. Кофе был черным, как торфяная жижа, и горьким, как яд гремучей змеи. Он мгновенно привел Виктора в порядок, и тот, снова взглянув на часы, решил, что еще не очень поздно. Проверив на всякий случай автоответчик и не обнаружив на нем ничего интересного, он снова затянул галстук, надел туфли и набросил на плечи куртку. Куртка показалась ненормально тяжелой. Виктор хлопнул себя по лбу, вынул из внутреннего кармана «вальтер» и убрал в шкаф, прикрыв сверху стопкой полотенец. Теперь можно было ехать.

Он выключил свет, запер квартиру и, не дожидаясь лифта, легко сбегал вниз по лестнице. Его серебристая «Лада» девяносто девятой модели, неизменно вызывавшая у помешанного на автомобилях Тыквы пренебрежительную улыбку, стояла у подъезда. Шараев бросил в угол рта сигарету, мимоходом отметив, что в пачке осталось всего пара штук, чиркнул зажигалкой и сел за руль. Двигатель новенькой «Лады» завелся с пол-оборота, и похожая на выкрашенное алюминиевой краской зубило машина выкатилась из двора, сразу же окунувшись в безумное кипение вечернего центра. Неторопливо ведя машину по пестрым от огней улицам, Виктор вдруг заметил, что неизвестно когда и как опять ухитрился надеть перчатки. Это вызвало у него тень улыбки: привычка – вторая натура. Он не стал их снимать: они ему не мешали.

По дороге он остановился всего один раз, чтобы купить в коммерческой палатке пачку сигарет, и спустя сорок минут затормозил у углового подъезда безликой шестнадцатизэтажной башни, выделявшейся из длинного ряда точно таких же обшарпанных громадин разве что номером да тремя закопченными оконными проемами на пятом этаже – там, где дотла выгорела квартира какого-то предпринимателя. Исковерканные и выдранные с мясом пожарными оконные решетки все еще ржавели на газоне. То, что осталось от предпринимателя, давно снесли на кладбище, квартира до сих пор стояла опечатанная, а возиться с закопченными железками никому из жильцов не хотелось.

Виктор подавил желание вынуть из кармана пепельницу и бросил окурочек в ближайшую лужу. Здесь ему было нечего бояться.

Из открытой двери подвала тянуло нездоровым влажным теплом – там размещался теплоузел. Это напоминало нечистое дыхание, вырывающееся из великаньего рта, и Шараев поспешно толкнул треснувшую вдоль стеклянную дверь подъезда, ступив на затоптанную керамическую плитку пола. Ожидая лифт, он с легкой грустью отметил, что жильцы давно перестали оставлять в нише под лестницей детские коляски, которые раньше стояли здесь в несколько рядов. Времена менялись на глазах, причем далеко не в лучшую сторону.

Скрипучий и конвульсивно содрогающийся лифт доставил его на одиннадцатый этаж и со вздохом облегчения распахнул заедающие створки. Виктор невольно припомнил рассказ о том, как однажды коварный механизм распахнул по вызову двери шахты, в то время как кабина преспокойно поджидала на первом этаже.

Кнопка звонка вихлялась под пальцем, уворачиваясь, как живая, но в конце концов из недр квартиры донеслось надтреснутое дребезжание, и спустя несколько секунд обшарпанная дверь распахнулась. Шараев вошел в тамбур, с трудом заставив себя не обращать внимания на сырой земляной дух, исходивший из стоявшего по правую руку от него дощатого ларя с картошкой.

– Здравствуй, мама, – сказал он открывшей дверь седой женщине в застиранном темно-синем домашнем платье и мягких шлепанцах с вытертой меховой опушкой.

Он наклонился, чтобы она могла дотронуться до его щеки сухими бескровными губами, привычно глядя в сторону: он не любил выражение вечного укоризненного вопроса, с некоторых пор поселившееся в поблекших материнских глазах.

Мать посторонилась, пропуская его в квартиру, и он шагнул в пахнущее дымом дешевого табака и разогретыми остатками вчерашнего обеда тепло, сразу же зацепившись носком ботинка за отставшую половицу. Привычно сдержав готовое сорваться с губ ругательство, он опустил глаза, чтобы взглянуть, не отлетела ли подметка, и сразу же вспомнил, что здесь принято разуваться при входе. Откровенно говоря, разуться следовало еще в тамбуре, но он, как всегда, забыл об этом, так же как об отстающей половице.

Он поспешно скинул туфли, ощущая себя полным идиотом в носках и утепленной осенней куртке, из-под которой солидно и добропорядочно выглядывал воротничок белой рубашки и тугой узел галстука. Это тоже было привычное ощущение, и он в который уже раз волевым усилием подавил мысль, что все это подстроено специально для того, чтобы лишний раз заставить его испытать неловкость.

Не дожидаясь приглашения – в конце концов, он пришел домой, – Виктор сбросил куртку и кое-как пристроил ее поверх хлама, загромождавшего косо приколоченную слева от двери вешалку. Украдкой пощупав висевшее с краю зимнее пальто с потраченным молью меховым воротником, он припомнил, что оно висит здесь уже лет пять, никак не меньше, – во всяком случае, за такой срок он мог поручиться.

Стоило ему отвернуться, как куртка сорвалась с крючка и упала на пол. Это повторялось каждый раз, как старинная клоунская реприза, в которой чудак с двумя авоськами пытается собрать рассыпающиеся свертки: стоит ему схватиться за что-нибудь одно, как другое немедленно выскальзывает у него из-под мышки и плюхается на землю. Виктор неслышно скрипнул зубами и поднял проклятую куртку, высматривая, куда бы ее пристроить. Мать, как всегда, мягко отобрала у сына куртку и легонько подтолкнула в спину: проходи.

Послушно сунув ноги в засаленные домашние тапочки, выглядевшие так, словно они год провалялись на городской свалке, Виктор прошел в темноватую, загроможденную облупившейся от времени и небрежного обращения полированной мебелью гостиную, перегруженную пыльными безделушками и разрозненными собраниями сочинений. В углу у окна мерцал и бормотал телевизор, а на продавленном диване в небрежной позе сидел патлатый и бородастый субъект двадцати пяти лет от роду, обряженный в линялые, вдоль и поперек залатанные джинсы и грязноватую шерстяную тельняшку.

– О, – сказал субъект таким тоном, словно вовсе не слышал звонка в дверь и появление Виктора оказалось полной для него неожиданностью, – брательничек пожаловал! Здорово, родственник!

Виктор пожал протянутую руку и хлопнул брата по плечу, борясь с привычным желанием схватить его за патлы и натывать носом и в отстающую половицу у порога, и в колченогое кресло, и во многое другое – в частности, в дверной звонок. Он не стал давать волю раздражению: все это уже бывало, и не раз, а половица отставала по-прежнему, и брат по-прежнему нигде не работал, размахивая низкими личными потребностями, как боевым знаменем.

– Что смотрим? – спросил он, чтобы не молчать.

На экране ощеренная толпа с какими-то самотужными плакатами в руках пыталась опрокинуть омоновский заслон. Омоновцы в касках с опущенными забралами укрывались за прозрачными пластиковыми щитами и оттуда остервенело охаживали толпу по чем придется резиновыми дубинками.

Виктор удивленно покосился на часы.

Судя по его хронометру, программе «Время» давно пора было закончиться. Экстренный выпуск? Вряд ли...

Только сейчас он заметил в темном углу справа от телевизора зеленый огонек индикаторного окошечка и понял, в чем дело.

– Вы что, видик купили? – удивился он.

– Ха, – сказал брат, – купили. На какие шиши? Нам жировать не на что. Взяли на время у знакомых.

Виктор стиснул зубы только на короткое мгновение. Того, что он приносил в семью еженедельно, хватило бы не только на видеомэгафон, но... кому-нибудь другому, а не этим людям, ближе которых, по идее, у него не было никого.

– Странные у тебя развлечения, – сказал он, кивая на экран, где два омонца волокли к распахнутой дверце «воронка» расхлюстанную девицу с окровавленной щекой. Запись была любительская, и потому вместо серьезного, хорошо поставленного голоса диктора за кадром раздавались голоса участников событий – во всех подробностях и безо всяких писклов, маскирующих наиболее откровенные выражения.

– Какие развлечения? – переспросил брат таким тоном, словно разговаривал с умственно отсталым. – Изучаем тактику ОМОНа.

– Для грядущих боев, надо полагать? – не удержался Виктор.

Брат не удостоил его ответом, демонстративно уставившись в экран и поигрывая пультом дистанционного управления.

– А отец где? – спросил Виктор, умело скрывая облегчение оттого, что отца не было дома.

– Сегодня среда, – напомнил брат, продолжая смотреть на экран.

– Ну и что?

– По средам он ходит в клуб ветеранов партии.

– Ах да! Я совсем забыл про эту че... забыл, в общем.

Брат смерил его взглядом и снова повернулся к экрану.

– Неудивительно, – сказал он.

Виктор промолчал. Нападать ему не хотелось, а в оборонительной позиции было что-то унижительное до непристойности: тот, кто оправдывается, фактически признает за собой вину. Виктор считал, что никакой вины за ним нет... вот только считать и чувствовать – разные вещи. Здесь, в этой похожей на берлогу квартире, чувство вины висело в воздухе, неделями дожидаясь его, Виктора Шарая, персонально, чтобы наброситься и начать остервенело драть в клочья.

Он порылся в карманах, вспомнил, что сигареты остались в куртке, и махнул рукой: все равно курить здесь разрешалось только в туалете да изредка на кухне.

Мать принесла чай в щербатых фарфоровых чашках и тарелочку окаменелостей, бывших когда-то ванильными сухарями.

– Расскажи, как ты живешь, – попросила она, осторожно присаживаясь на краешек колченогого кресла.

Виктор отвел глаза.

– Хорошо, – сказал он. – Как всегда, лучше всех.

– Вика о тебе спрашивала.

– Гм, – отозвался он, поспешно поднося к губам чашку со слишком жидким чаем.

Девице, о которой говорила мать, было двадцать два года, у нее был огромный зуб, плоскостопие и сильная близорукость. Недостаток чувственных удовольствий это несчастное создание компенсировало бешеной общественной активностью. Матери Вика нравилась, и она почему-то вбила себе в голову, что было бы неплохо познакомиться с ней старшего сына – для начала. Возможно, думал Виктор, ей казалось, что идейная жена вернет его в лоно партии – именно так, не больше и не меньше.

– Это не ответ, – сказала мать.

– А я не слышал вопроса, – мягко парировал он, надеясь уйти от неприятного разговора. Вика была только первым снарядом в бесконечной и безрезультатной артиллерийской дуэли, которую мать с присущей ей партийной прямоотой и принципиальностью затевала всякий раз, как он переступал порог родительского дома.

Мать нахмурилась.

«Боже, как я устал, – подумал Виктор. – Как безумно все мы устали.»

– Послушай, мама, – как можно мягче сказал он, – давай сегодня не будем говорить о Вике. Не думаешь же ты, в самом деле, что я смогу на ней жениться!

– А кто здесь говорил о женитьбе? – мать высоко подняла брови. Слишком высоко, подумал Виктор. – Да она за тебя и не пойдет.

– Не надо лукавить, мама, – устало сказал он. – Она пойдет за безногого бомжа, если найдется такой, который отважится посмотреть в ее сторону больше одного раза.

– А ты, однако, редкостная скотина, – с отвращением процедил брат, выключил телевизор и, громко стуча пятками по полу, вышел из комнаты.

– Половицу прибай, праведник! – крикнул ему вслед Виктор.

Ответа не последовало. Через мгновение бухнула дверь спальни, да так, что за отставшими обоями зашуршала осыпающаяся штукатурка. Активист осторожно взглянул на мать и увидел, что у той дрожат губы.

– Не надо, мама, – попросил он. – В конце концов, я не виноват, что меня воротит от вашей высокоидейной кунсткамеры.

– Раньше ты придерживался другого мнения, – сухо сказала мать.

Губы у нее больше не дрожали. Это было хорошо, и Виктор подумал, что не напрасно вызвал огонь на себя, задев самое святое – партию.

– Раньше и я был другим, – сказал он. – До тех пор, пока не понял, что идея, высосавшая из нашей семьи всю кровь, не только бесплодна, но и бесчеловечна.

– Вот этого я и не могу понять, – едва слышно прошептала мать. – Как ты мог? Как ты мог так легко поверить всем этим газетным крикунам, этим охотникам за сенсациями, этим толстосумам, продавшимся Америке за ее кровавые доллары? Как ты мог так легко пойти за теми, кто осквернил и опошлил самую светлую идею, когда-либо рождавшуюся в человеческом мозгу?

– Посмотри на нашу семью, – сказал он. – Как у тебя поворачивается язык назвать светлой идею, которая превращает родственников в кровных врагов?

– Тебя никто не гнал, – отчеканила она.

– Разумеется, – Виктор рассмеялся сухим лающим смехом. – Просто в доме сложилась такая обстановка, что мне до смерти захотелось уйти. А почему, черт подери? Это ваша фраза: человек – это звучит гордо. А вот еще: человек рожден для счастья, как птица для полета. Скажи, это верно?

– Это несколько литературно, – с сомнением произнесла она, чуя подвох.

– Это пролетарская литература, – продолжал наступать он. – Та самая, которой меня закармливали с детства. И вдруг оказывается, что счастье, для которого я рожден, – это размахивание дурацкими лозунгами на дурацких митингах, принципиальная нищета и женитьба на калекке, на которую смотреть без жалости невозможно. А если меня это не устраивает, значит, я – грязный подонок, продавшийся империалистам.

– Не передергивай.

– Я не передергиваю, но почему бы вам всем не перестать пещься о судьбах мира и не позаботиться о себе? Хотя бы чуть-чуть – ровно настолько, чтобы человек, входя в ваш дом, не ломал ноги об отставшие половицы и не демонстрировал чудеса эквилибристики, пытаясь усидеть в кресле с отломанной ножкой? Кто внушил вам эту идиотскую мысль, что деньги –

от дьявола? Кто сказал, что нормальная мебель, на которой можно сидеть, не рискуя сломать шею, это плохо? Кресла делают не в аду, а на мебельной фабрике – между прочим, те самые пролетарии, о которых вы так радуете и от которых шарахаетесь на улицах и в темных подъездах. Почитайте своих классиков! – Он раздраженно ткнул пальцем в сторону книжных полок. – Они, хоть и были недоучками, отлично понимали, что деньги – это хорошо и чем их больше, тем лучше. Назови мне хотя бы одного из них, кто жил бы так, как живете вы с отцом!

– Тебя развратили эти нувориши, – грустно сказала мать. – Они развратили всю страну и вот добрались до тебя. Это лишний раз доказывает, что мы должны бороться.

– С кем? – безнадежно спросил он. – С кем вы собираетесь бороться? С собственным народом? Конечно, вам не впервой, но сейчас не тридцать седьмой год – слава Богу, шестьдесят с лишним лет прошло, и ваш усатый упырь давно сгнил. Оглянись вокруг, мама! Ваша идея протухла и смердит. Как ты думаешь, почему от вас все шарахаются? Да просто потому, что ваши флаги пахнут мертвечиной.

– Невозможно убедить того, кто не желает слушать, – сказала она. Она всегда умела оставить за собой последнее слово, после чего оппонент мог только бессильно орать и биться головой о стену.

Чтобы не предаваться этим бессмысленным занятиям, Виктор вскочил и выбежал в прихожую. Пятки громко бухали в облупленные, разохшиеся половицы, и его передернуло: его шаги звучали так же, как шаги брата за несколько минут до этого. Чтобы придать своему бегству видимость упорядоченного отступления, он устремился к кладовке и рывком распахнул перекошенную дверь, с привычной ловкостью поймав и водворив на место готовый вывалиться наружу хлам.

Старый плотницкий ящик, когда-то собственноручно сработанный отцом из толстой, потемневшей от времени и намертво въевшейся грязи многослойной фанеры, стоял на месте. Виктор рывком сдернул его с полки. Клокотавшее в груди раздражение требовало выхода, и идея прибить наконец чертову доску казалась в данный момент просто гениальной. Молоток лежал внутри ящика вместе с тронутой ржавыми пятнами ножовкой и топором, лезвие которого выглядело так, словно им долго рубили гвозди. Ручка молотка разохлась, и головка свободно болталась на ней, грозя свалиться, но забить один-единственный гвоздь можно было и этим, с позволения сказать, инструментом. Беда была в том, что гвоздей в ящике не оказалось. Виктор бесцельно порылся в заполнявшем ящик хламе, перебирая пальцами куски вытертой до матерчатого основания наждачной бумаги, обрезки каких-то ржавых труб с резьбой, издававшие острый запах природного газа, гнутые накладки от давно ушедших в небытие замков и прочий мелкий мусор, но так и не нашел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало гвоздь. Прошептав черное ругательство, он распахнул дверь спальни.

Брат лежал на развороченной постели, читая какую-то сложенную пополам брошюру. Он поднял глаза на звук открывшейся двери и тут же снова опустил их. Виктор для разнообразия решил не реагировать на эту демонстрацию.

– Где гвозди? – спросил он, сдерживая раздражение.

Брат снова поднял глаза, и по его губам скользнула тень улыбки.

– Гвоздей нет, – ответил он. – Кончились.

– Наверняка пошли на нужды партии, – не удержавшись, съязвил Виктор.

– Представь себе.

Активист прикрыл глаза и про себя досчитал до десяти. Открыв глаза, он обнаружил, что брат опустил брошюру и наблюдает за ним с живейшим интересом, как за распяленной на предметном стекле микроскопа лягушкой.

«Ну, еще бы, – с горечью подумал Виктор. – Такое зрелище: классовый враг в минуту бессильной ярости перед торжеством пролетарской идеологии! Черт подери, но это же смешно! В наше время, в нашей стране... Они что, в самом деле психи? Или я чего-то не понимаю?»

Он вынул из кармана портмоне и, выудив оттуда столларовую бумажку, твердо припечатал ее к запыленной крышке письменного стола.

– Купи гвоздей, – сказал он и, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты, твердо зная, что никто не станет покупать никаких гвоздей.

Водворив на место ящик с инструментом, он отыскал на вешалке свою куртку и нащупал в кармане сигареты. Прикуривая, Активист заметил, что руки у него ходят ходуном. «Да, – подумал он, – это тебе не налет с целью выбивания долгов.»

Он стоял под освещавшей прихожую голой пыльной лампочкой, курил быстрыми, нервными затяжками и слушал царившую в квартире нехорошую тишину. Сквозь открытую дверь гостиной он видел отражение матери в полированной крышке секретера. Мать сидела неподвижно и прямо, как кукла из музея восковых фигур. За дверью спальни было тихо, как в склепе, даже страницы не шуршали. Виктор отлично понимал их обоих: он хорошо помнил это дивное ощущение собственной правоты, подогреваемое и нагнетаемое бесконечными пикетами и митингами, с их истеричным напором и полубредовыми речами сидящих в инвалидных колясках ветеранов афганской контузии, призывающих громить коммерческие палатки. Это было просто до обалдения: если у тебя в карманах гуляет ветер, значит, ты прав, прав всегда и во всем. Он уже не мог с точностью припомнить, когда это ощущение стало проходить, уступая место растерянности и озлоблению. «Может быть, это случилось, когда я начал умнеть, – подумал он. – Или просто выздоравливать.»

Виктор раздавил длинный окурочок в карманной пепельнице, защелкнул круглую крышечку, глубоко вздохнул и вернулся в гостиную.

– Извини, мама, – сказал он, – я не хотел с тобой спорить... тем более ссориться.

– Пустое, – тихим бесцветным голосом ответила мать, и у Активиста на мгновение болезненно сжалось сердце: он вдруг понял, что мать быстро стареет. – Я сама виновата. Посиди еще хоть немного.

Он осторожно опустился на диван, испытывая острое желание бежать без оглядки. Сквозь открытую дверь было видно, как в захлавленной прихожей с пожелтевшим потолком и отставшими по углам обоями под голой шестидесятиваттной лампочкой клубится слоистый табачный дым. На бугристой от множества слоев масляной краски двери кладовки еще можно было разглядеть полустершийся карандашный рисунок: всадник в буденовке скакал в атаку, размахивая шашкой. Лошадь была похожа на конструкцию, собранную из сардельки и нескольких макаронин, а шашка больше напоминала ятаган, но звезда на буденовке ставила все на свои места, делая изображение понятным любому, кто хотя бы поверхностно был знаком с отечественной историей. Виктор вспомнил, как он гордился когда-то этим рисунком. Помнится, у него даже была шапочка, сшитая на манер буденовки. Он носил ее до тех пор, пока она держалась на голове, и передал по наследству младшему брату.

– Давай покурим, – сказала вдруг мать.

– С каких это пор? – спросил он, протягивая ей открытую пачку.

Она неумело вытянула из пачки сигарету, неловко вставила в губы и потянулась к огоньку поднесенной зажигалки.

– С тех самых, – расплывчато ответила она, сделала глубокую затяжку и мучительно закашлялась.

Виктор тоже закурил и поставил на журнальный столик свою блестящую карманную пепельницу, смотревшуюся здесь дико, как НЛО. Открытую пачку сигарет он положил рядом.

Он услышал, как тихо отворилась дверь спальни, и через несколько секунд брат вошел в гостиную и присел на подлокотник кресла, в котором сидела мать. Взглядом спросив у Виктора разрешения, он взял из пачки сигарету и тоже закурил, сосредоточенно глядя куда-то в угол и хмуря густые брови в ответ на какие-то свои мысли. Некоторое время все трое молчали, бережно сохраняя хрупкий мир. Потом мать чуть переменяла позу и сказала:

– А давайте споем. Как раньше, а?

Она первая затянула «Там вдали, за рекой». Голос у нее был слабенький, она сильно фальшивила, но пела с большим чувством. Брат обнял ее за плечи одной рукой и подхватил песню. Виктор, поколебавшись, присоединился к пению, борясь с мучительной неловкостью и будучи не в состоянии отделаться от ощущения, что попал в сумасшедший дом. Он чувствовал себя так, словно с огромной скоростью неся спиной вперед по бесконечной пневматической трубе, глядя на эту убогую гостиную, где три полужнакомых человека нестройно тянули старую песню в надежде поправить то, что поправить нельзя.

Он с трудом дождался конца последнего куплета и поспешно встал, пока мать не предложила спеть что-нибудь еще. Одеваясь в прихожей, он незаметно опустил в карман ее плаща конверт с деньгами, в котором была почти вся его доля от сегодняшнего дела. Уголовник по кличке Активист знал, что деньги не принесут матери пользы: скорее всего они будут сданы в партийную кассу и осядут в кармане какого-нибудь высокопоставленного борова, но Виктору Шараеву было на это наплевать. Он надеялся, что хотя бы часть этих денег мать потратит на продукты.

Это была старая игра. Брать у него деньги мать категорически отказывалась, но суммы, которые он опускал в карман ее плаща, никогда не возвращались. Это были крупные суммы, и Активист старался поменьше думать о том, что рискует свободой и жизнью исключительно для того, чтобы спонсировать коммунистическую партию.

Когда он, попрощавшись, уже взялся за ручку двери, брат вдруг нырнул в спальню и вернулся, держа в протянутой руке стодолларовую бумажку.

– Забери, – сказал он, спокойно и твердо глядя Виктору в глаза. Это было почти смешно, но у Активиста уже не осталось сил на то, чтобы оценить юмор ситуации. Дернув щекой, он покорно забрал деньги и положил в карман.

– Ладно, – сказал он, – в следующий раз привезу ящик гвоздей. Ну, счастливо оставаться. Отцу привет.

Выйдя на улицу, он остановился у подъезда и несколько раз глубоко вдохнул и с шумом выдохнул сырой холодный воздух. Оказалось, что, пока он сидел наверху, дождь кончился, а когда серебристая «Лада» выехала на улицу, в разрывах туч блеснули холодные осенние звезды.

Глава 3

Дождь, заливавший Москву в течение трех последних дней, прекратился накануне, и с утра в холодном, словно подсохшем за ночь воздухе отчетливо пахло приближающейся зимой. В тени еще поблескивал стянувший лужи тонкий, как бумага, первый ледок, а на пригреве асфальт уже оттаял и почти высох, снова сделавшись светло-серым.

В десятом часу утра с Маросейки в Армянский переулочек свернула вишневая «девятка». Из Армянского она неожиданно нырнула в Сверчков, оттуда в Архангельский и наконец, вдоволь попетляв, въехала в старый двор-колодец, расположенный неподалеку от впадения Кривоколенного переулочка в Мясницкую. Загнав машину в дальний угол двора, водитель заглушил двигатель и некоторое время сидел в салоне, бездумно покуривая и глядя по сторонам. Он уже почти привык к реалиям своего нового существования, бывшего, по сути, лишь повторением прежней жизни, но временами накатывало почти непреодолимое ощущение нереальности происходящего. В такие моменты он боялся проснуться и обнаружить, что задремал за столом в больничной котельной подмосковного поселка Крапивино после излишне обильного возлияния в компании сменщика.

В этом не было ничего удивительного. Теоретически Глеб Сиверов получил свой прежний статус секретного агента ФСБ, на долю которого приходятся наиболее сложные и опасные поручения, связанные с физическим устранением лиц, по тем или иным причинам недостижимых для официального закона. На деле же никто не давал ему никаких поручений, и порой ему казалось, что о нем просто забыли. Его снабдили несколькими комплектами документов, предоставили жилье и конспиративную квартиру в Кривоколенном, щедро ссудили деньгами, выдали оружие и оставили в покое. Он знал, что забывчивость не входит в число недостатков, присущих его работодателям, и понимал, что это затишье – передышка перед очередным заданием. Новый шеф просто давал Слепому прийти в себя и осмотреться, чтобы во время выполнения задания он не отвлекался на такие пустяки, как мелькнувшее в толпе знакомое лицо или памятный отрезок улицы, где он когда-то назначал свидание.

Слепой не глядя раздавил в пепельнице окурок и неторопливо закурил следующую сигарету. Спешить было некуда, а пищи для размышлений накопилось более чем достаточно. Прежде всего его беспокоила личность нового куратора. Полковник Малахов оставался для Слепого загадкой. То, что он вырвал потерявшего память агента из когтей неминуемой гибели, ровным счетом ни о чем не говорило: на его месте любой из коллег повел бы себя точно так же. Какой смысл, к примеру, оставлять в огне ценный прибор, когда его можно спасти и, более того, присвоить? Поведение полковника в этой ситуации было логичным и вполне оправданным с любой точки зрения. Непонятно было другое: что он намерен делать со спасенным инструментом? Когда-то Глеб Сиверов сам решал, за какие задания он будет браться, а за какие нет, но с тех пор утекло много воды, и теперь немолодой, похожий на мелкого служащего полковник ФСБ держал Слепого в кулаке. Малахов слишком много знал о своем новом агенте, и это активно не нравилось Глебу Сиверову.

«Посмотрим, – решил он наконец. – Посмотрим, с чем он придет, что скажет, в какую мишень прикажет ударить. Тогда сразу станет видно, на дело он работает или на собственный карман. И тогда решу, работать с ним или немного поводить его за салом, прежде чем исчезнуть. Не может же он всерьез рассчитывать на то, что меня можно долго держать в кулаке!»

Слепой распахнул дверцу и выбрался из машины, поправляя на переносице очки с затемненными стеклами. День выдался солнечный, и даже в очках приходилось щуриться, чтобы чересчур яркий свет не резал глаза. Он вздохнул полной грудью и улыбнулся. Новая жизнь была полна проблем, но это была жизнь, а не прозябание, которое предшествовало ей в течение нескольких долгих месяцев.

Заперев машину, он набрал код на двери подъезда и поднялся на пятый этаж по старинной каменной лестнице с широкими пологими ступеньками. Квартира, подысканная для него полковником Малаховым, представляла собой своего рода архитектурный казус, этакий конструктивный выкидыш, нелепый, незапланированный и потому неповторимый и необъяснимо привлекательный. Это были две небольшие комнатки, возникшие в результате перестройки старинного доходного дома, напоминавшие из-за своих мизерных размеров и высоты потолков два спаренных дымохода. Полы в них располагались на разных уровнях, а меньшая из комнат вдобавок щеголяла двумя острыми углами и, соответственно, двумя тупыми. Потолок в ней косо спускался сверху вниз, повторяя линию крыши, и там, на недостижимой высоте, как полная луна в изображении кубиста, сияло пыльное квадратное окошко.

Окно большой комнаты выходило во двор, а из похожего на бойницу окошка микроскопической кухни открывался вид на переулок. Эта квартира сразу понравилась Глебу, и даже то обстоятельство, что он явно был не первым спецслужбистом, занимавшим это помещение, не могло испортить настроение.

В большой комнате стоял обширный, очень прочный, хотя и далеко не новый дубовый стол, на котором Глеб обнаружил неплохой компьютер. Порывшись в каталогах, он убедился в том, что до него квартиру занимал какой-то офицер ФСБ или ФСК. Что стало с прежним хозяином квартиры и почему секретную информацию, хранившуюся в памяти компьютера, не удалили, Слепой не знал, но подозревал, что секретные файлы оставлены в его распоряжении не без умысла. Никаких государственных тайн в этой документации не содержалось: в основном это были агентурные данные, касавшиеся воротил московского черного рынка и некоторых уголовных авторитетов. Читиво было на редкость увлекательно, и Сиверов провел за компьютером долгие часы, усваивая информацию, которая, как он догадывался, могла когда-нибудь пригодиться.

Он приходил сюда как на работу: почему-то не хотелось, чтобы звонок полковника Малахова застал его дома. Дома хватало проблем и без полковничьих звонков. Они с Ириной никак не могли заново привыкнуть друг к другу, то сходясь, то разъезжаясь по своим квартирам, боясь прямого разговора и с каждым днем все яснее понимая, что он необходим, если они не хотят окончательно запутать свои и без того неимоверно сложные отношения. Ирина напомнила ему открытую рану, болезненно реагирующую на каждое прикосновение. Его собственное состояние вряд ли выглядело лучше, но он оставался офицером и умел держать себя в руках – не только внешне, но и внутренне.

Он сходил на кухню и сварил кофе на газовой плите, помнившей, казалось, времена прихода к власти Никиты Сергеевича. Джемва тоже досталась ему по наследству – вместительная, медная, с подпаленной деревянной ручкой и потемневшими боками, она имела очень рабочий, сугубо утилитарный вид. Когда Глеб пришел сюда впервые, он обнаружил в шкафчике над мойкой полбанки молотого кофе. Кофе оказался превосходным, и Слепой проникся к прежнему хозяину квартиры неосознанной симпатией. То обстоятельство, что он пользуется вещами и продуктами человека, который скорее всего умер насильственной смертью, не вызывало в Слепом никаких эмоций, кроме легкого сожаления: этот незнакомый ему эфэсбэшник был, судя по некоторым признакам, неплохим парнем. Глеб даже не стал ничего менять в обстановке квартиры – здесь и так было уютно, а входная дверь, казалось, могла выдержать профессиональный штурм до батальона омовцев.

Вылив кофе в тонкую фарфоровую чашечку, Глеб вернулся в большую комнату и опустился на диван напротив окна. Все-таки это было здорово – хороший кофе, хорошая сигарета, чистые руки и свобода передвижения. Где-то на заднем плане зловещей тенью маячил неприятный полковник Малахов, отношения с Ириной складывались совсем не так, как хотелось бы, но Слепой чувствовал, что все эти трудности временные: теперь он снова стал хозяином своей судьбы.

Допив кофе, он выдвинул ящик стола и взял в руки пистолет. Это был армейский кольт – к сожалению, не тот, который был у Глеба раньше. Чтобы чем-нибудь занять руки, он в сотый раз разобрал и придирчиво проверил оружие, чуть ли не обнюхав каждый винтик: пуганая ворона, как известно, боится каждого куста, и Слепой не хотел неожиданностей.

Пистолет, как и следовало ожидать, оказался в полном порядке, и Глеб с некоторым сожалением вернул его в ящик стола. Ему казалось, что отдых затянулся, безделье начинало тяготить его. «Это он меня специально маринует, – подумал он о полковнике Малахове, – чтобы я озверел от безделья. Однако безделье бездельем, а некоторая сумма сейчас, откровенно говоря, мне не помешала бы.»

Это была чистая правда: выданный полковником аванс подходил к концу, и в отдалении уже замаячил призрак того, от чего Глеб Сиверов отвык давным-давно, – призрак безденежья. Пора было либо приниматься за дело, либо наниматься грузчиком в ближайший гастроном.

«Интересно, – подумал Глеб, – устроит ли Ирину такая профессиональная переориентация?»

Он снова включил компьютер и принялся до боли в глазах вчитываться в сухие строчки рапортов и донесений. Он читал до тех пор, пока не стало казаться, что с экрана вот-вот закапает свежая кровь. Судя по тому, что он читал, за время его отсутствия людей, остро нуждавшихся в том, чтобы кто-нибудь отправил их на два метра в глубь земной коры, в Москве ничуть не убавилось, а скорее наоборот. Он уже мог назвать не менее десятка фамилий тех, кого не мешало бы убрать, чтобы воздух в городе – да и во всей стране, коли на то пошло, – стал намного чище.

Усилием воли он прогнал эти мысли, зная, что попытки решать судьбы мира в одиночку и по собственному разумению до добра не доводят. Однажды он уже пытался сделать это. Тогда все кончилось нервным срывом, и, если бы не чудо, Глеб Сиверов сейчас был бы покойником. Ему до сих пор время от времени снилась та мартовская метель, и он просыпался в холодном поту, хватая воздух широко открытым ртом и прижимая ладони к влажному от испарины горлу. Постепенно обида, ярость и желание отомстить улеглись, и теперь, просыпаясь от ночного кошмара, он всякий раз думал об одном и том же: а было ли то, что он выжил, чудом? Тот, кто был послан, чтобы отобрать у агента по кличке Слепой жизнь, являлся профессионалом высочайшего класса, и не было случая, чтобы он перепутал живого человека с мертвецом. У тех, кто послал его, имелись веские причины желать Слепому смерти, а у него самого – не менее веские причины хотеть, чтобы Слепой жил. Он был учителем, а Слепой – учеником, и, кроме того, они были друзьями – давно, в позапрошлой жизни.

Глеб выключил компьютер, вернулся на диван и торопливо закурил. Когда-то ему казалось, что он забыл это лицо, но сейчас оно стояло перед глазами как живое. Предпоследняя их встреча состоялась в Афганистане, а последняя – там, на заметенной сырой мартовской метелью дороге, где ученик и учитель сошлись в смертельной схватке. «А ведь я бы его тогда наверняка убил, – подумал Глеб. – Если бы он промахнулся, если бы не подловил меня на этот старый трюк, я убил бы его так же верно, как налетевший на полном ходу тепловоз. А он ухитрился выжить и оставить в живых меня, причем так, что все, кого это интересовало, сочли меня умершим. Старый мастер, как обычно, переиграл всех. И ведь это он охранял Ирину несколько месяцев, не давая чересчур осторожным господам из нашего департамента довести дело до логического завершения. А потом просто взял и исчез – наверное, увидел меня издали и все понял.»

Слепой легко поднялся с дивана, порывшись на книжной полке, выбирая нужный диск, и вставил его в дисковод компьютера. Из колонок полилась музыка – звучал Бетховен, более всего соответствовавший теперешнему настроению Глеба. Вслушиваясь в переполнявшие тесную квартирку звуки, Глеб Сиверов мерял комнату шагами и курил сигарету за сигаретой – сейчас он мог себе это позволить, поскольку был не при задании.

* * *

Когда Активист проснулся, было уже светло. Более того, складывалось совершенно определенное впечатление, что уже довольно давно наступил день. Было что-то такое в пробивавшемся сквозь планки жалюзи солнечном свете, что наводило на подобную мысль, и, кроме того, Активист чувствовал себя отменно выспавшимся, хотя совершенно не помнил, когда лег спать.

Покопавшись в памяти, он обнаружил, что не помнит, оказывается, очень многого. Смутно вспоминалось, что по дороге домой от матери он завернул в бар, где они с Тыквой опрокинули по рюмочке сразу после дела, и неожиданно для себя обнаружил там Тыкву, который, казалось, никуда не уходил. Правда, спортивного «шевроле» на стоянке перед баром не было, из чего следовало, что Тыква загнал машину в гараж и вернулся сюда, чтобы взяться за дело всерьез. К моменту появления в баре Активиста он уже зашел по этому пути довольно далеко и приветствовал товарища шумно и бессвязно. Еще Виктор Шараев помнил, что несколько раз заказывал выпивку, стараясь отбить стоявший во рту кислый вкус поражения, появлявшийся всякий раз после визита в родительский дом, а все остальное тонуло в жемчужном тумане, из которого выныривали какие-то малопонятные рожи, некоторые из которых были почему-то разбиты в кровь.

Активист поднес ладони к лицу и тщательно осмотрел одну и вторую. Ладони были в порядке, а значит, морды в баре разбивал не он.

«И на том спасибо», – подумал Активист.

Продолжив осмотр, он обнаружил, что завалился спать в рубашке и галстук, что было совершенно неудивительно, учитывая имевший место провал в памяти. Покосившись вниз, он увидел на полу брюки. Это тоже было хорошо – значит, он пришел домой в штанах, а не потерял их по дороге.

«Ну дела, – подумал Виктор. – Надо же, как меня разобрало. Это все Тыква, рожа протокольная. Вечно пьет сначала без меры, а потом неделю лечится. Давно я так не напивался... и давно, признаться, об этом мечтал.»

Похмелья, как ни странно, не было – видимо, он успел по-настоящему проспать, лишь в висках в ответ на каждое движение начинали часто-часто стучать сердитые молоточки пульса.

Посмотрев на часы, он тихо застонал. Было начало третьего пополудни, и значит, уже не только утро, но и весь день практически миновал. «А в чем, собственно, дело? – сказал себе Активист. – Я что, на работу проспал или коммерческий ларек забыл открыть? Человек рождается свободным. Кто сказал? А черт его знает... Верно, в общем-то, сказал, вот только зря он промолчал о том, сколько усилий приходится потом потратить на то, чтобы эту свободу вернуть, а главное – сохранить. Порой вот так побьешься, побьешься, а потом и задумаешься: а на кой ляд она мне сдалась, эта свобода? Пусть бы дядя за меня думал, а я бы на него работал как придется...»

Он снова посмотрел на часы и обнаружил, что размышления о свободе и работе на дядю украли у него еще пятнадцать минут жизни.

– Все-таки придется вставать, – вслух сообщил он окружающим предметам обстановки. – А вы говорите – свобода... Как в армии, честное слово: вставай-ложись, ложись-вставай...

Ворча, зевая и потягиваясь, он босиком прошлепал в ванную, на ходу стаскивая мятую рубашку и запятнанный какими-то продуктами галстук. В ванной он затолкал все это добро в стиральную машину, попутно обнаружив, что внутри томятся влажные после вчерашней стирки брюки.

– Трах-тарарах я такую и сякую вашу свободу, – в сердцах сказал он, вытаскивая брюки и заталкивая в машину рубашку и галстук.

Он не испытывал раздражения – просто здесь, наедине с собой, ему приятно было иногда побыть таким ворчливым распуستهхой, у которого обе ноги левые, а из рук все валится. Он редко мог позволить себе такую роскошь, на людях приходилось быть холодным и собранным.

Приняв душ, он натянул линялую серую майку и застиранные добела старенькие джинсы: брюк у него было всего две пары, и обе пребывали в нерабочем состоянии. Он уже очень давно не наряжался подобным образом и сейчас испытал нечто вроде ностальгии по тем временам, когда джинсы и старенькая фуфайка были повседневной формой его одежды. В хрустальный ручеек его воспоминаний немедленно вклинилась грязноватая струйка: для начала ему вспомнился брат с его патлами, джинсами, тельняшкой, бородой и брошюрками, а потом и скукоженный субъект – их вчерашний заказчик. Сразу же вслед за скукоженным на ум пришел Телескоп, и настроение стало стремительно портиться. Для прекращения этого неприятного процесса Виктор снял с полки длинную узкую бутылку, свинтил алюминиевый колпачок и сделал добрый глоток.

– Кто хлещет водку по утрам, – переведя дух, сказал он голосом Винни-Пуха, – тот поступает мудро. Тарам-парам, парам-тарам... какое, на хрен, утро?! Какое утро, – повторил он нормальным голосом, – когда половина четвертого? И какая водка, если это коньяк? Если квасишь натошак – значит, клевый ты чувак... если квасишь ты коньяк.

Он посмотрел в зеркало. Несмотря на выцветшую футболку и в высшей степени неформальные джинсы, на «клевого чувака» он уже не тянул: прическа была не та, да и выражение глаз стало другим – надо полагать, теперь уже навсегда. Виктор задумчиво покачал горлышком бутылки из стороны в сторону, поднял ее повыше, чтобы посмотреть, сколько в ней осталось, с сомнением почесал кончик носа согнутым указательным пальцем, дернул себя за ухо, состроил отражению в зеркале зверскую рожу и с сожалением вернул бутылку на полку. Пить больше не стоило – по крайней мере, до наступления темноты. День прошел только наполовину, и в оставшиеся часы могло произойти что угодно... особенно учитывая их вчерашние похождения.

Активист недовольно поморщился. Эдик, Эдик... Строго говоря, Тыква был кругом прав: Телескопа следовало пришить за то, что он сотворил. Очкарик был хитер и злопамятен, и теперь, после проведенной с ним в гараже профилактической работы, мог выкинуть любую подлость.

– Господи, – вслух сказал, почти простонал Виктор, – из-за вонючих трех тысяч!

В конце концов он решил махнуть на Телескопа рукой. При всех своих опасных качествах очкарик был трусоват и никогда не действовал в одиночку.

Пока кофеварка сипела и булькала, исходя ароматным паром, он не торопясь выкурил сигарету, почти не испытывая угрызений совести из-за того, что курит натошак.

«Черта с два, натошак, – подумал он. – А коньяк? То-то же... Именно это и называется здоровым образом жизни!»

Попивая кофе под следующую сигаретку, Виктор вспомнил одного своего знакомого, который всерьез намеревался прожить не менее ста лет. «Зачем тебе это? – однажды спросил у него Виктор. – Ты что, еще не насмотрелся на весь этот бардак?» – «При чем тут бардак? – услышалось в ответ. – Ты только представь себе: вы все умрете, а я буду жить еще лет тридцать – сорок. Каково тебе это?» – «Кошмар, – искренне ответил Виктор. – Похоже на какой-то фильм ужасов.»

Выбросив из головы своего странного знакомого, Виктор стал думать, не позвонить ли ему Машке. Это была заманчивая идея, в которой не было ничего общего со здравым смыслом. Некоторое время Виктор развлекался, пытаясь представить, что скажет и сделает Тыква, узнав, что Активист уже добрых полгода путается с его младшей сестрой. Родителей у Дынниковых не было, в течение последних четырех лет Тыква растил сестру самостоятельно и вырастил в конце концов сногшибательную блондинку. Ума она была невеликого, как и ее братец, – это было у них, надо полагать, фамильное, – но зато обладала завидным темпераментом и к

моменту встречи с Активистом уже успела поднабраться кое-какого опыта. Тыква во всеуслышание грозился переломать ноги первому, кто приблизится к Машке на расстояние пушечного выстрела. Многочисленные кандидаты в инвалиды пересмеивались у него за спиной, и Активисту было неприятно находиться в их числе, но устоять против Машкиных прелестей оказалось сложно.

Размышляя обо всех этих приятных и не очень приятных вещах, Виктор вдруг обнаружил, что уже сидит в гостиной возле столика с телефоном и курит третью сигарету подряд, в нерешительности держа руку над трубкой. В принципе, после удачно проведенной операции полагался отдых, а отдохнуть с Машкой можно было как ни с кем другим: эта соплячка была хороша не только в постели. Он совсем уже собрался набрать номер, но тут телефон вдруг ожил, разразившись длинной мелодичной трелью. Виктор вздрогнул от неожиданности, коротко выругался и, не успев подумать, рефлекторно схватил трубку.

– Смольный на проводе, – бодро сказал он в микрофон.

– Активист? – послышался в трубке смутно знакомый мужской голос. Голос был немолодой, с этакой ленивой хрипотцой, и Виктор вдруг с неприятным ощущением падения где-то под ложечкой понял, кто звонит. – Все веселишься? – продолжал голос. – Это Кудрявый тебя беспокоит.

– Я узнал, – тщательно контролируя ставшие вдруг непослушными губы, сказал Виктор. – Здравствуй, Кудрявый. Какими судьбами?

– Непонятка вышла, дружок, – по-прежнему лениво проговорил Кудрявый. – Надо бы разобраться.

– Какая непонятка? – спросил Виктор, хотя уже знал, каким будет ответ.

– А то не знаешь? Не смейся, Витюнчик. Я слышал, ты со своими ребятами вчера нашалил в моем околотке. Обидели хорошего человека, дверь сломали... ну и все такое. За такие вещи ответ держать надо.

– погоди, Кудрявый, – сказал Виктор, лихорадочно придумывая, что сказать этому ласковому упырю. – Какие шалости? Какой ответ? Кто тебе такое сказал?

– Я же говорю – непонятка, – увещевательно повторил Кудрявый. – Приезжай, обкашляем это дело. Куда ехать, знаешь?

– Откуда?

– И то правда – откуда? Ничего-то ты не знаешь, а туда же... Ладно, приезжай к трем вокзалам, там тебя встретят. От тебя ведь это недалеко?

– Гм, – сказал Виктор. – А ты откуда знаешь?

– От верблюда, – отрезал Кудрявый. – Времени тебе даю час. Смотри, ждать я не люблю, а уж догонять – и подавно.

– Не пугай, – стараясь, чтобы голос звучал спокойно и твердо, сказал Виктор.

– Чудак, – рассмеялся Кудрявый. – Делать мне нечего – тебя пугать. Я жду. Время пошло. Виктор невольно бросил взгляд на часы, засекая время, и хотел что-то сказать, но в трубке уже зачастили короткие гудки отбоя.

– Правильно, – сказал он, невесело улыбнувшись, – о чем тут можно разговаривать?

Он аккуратно положил трубку на аппарат и начал действовать быстро и продуманно – такую ситуацию он не раз репетировал в мыслях и был к ней готов. Пока он поспешно, но без суеты, собирал дорожную сумку, в голове у него вертелись обрывки благоглупостей, более известных как народная мудрость: «До поры кувшин воду носит», «Не все коту масленица», «Сколь веревочке ни виться...» и прочая подходящая к случаю чепуха. Он помотал головой, вытряхивая из нее этот мусор, и заставил себя думать.

Кудрявый был человеком, снискавшим себе широкую и довольно печальную известность. Он ходил в законе с незапамятных времен и с теми, кто так или иначе посягал на его авторитет, расправлялся быстро и по-звериному жестоко. Бригады гастролеров-беспредельщиков после

нескольких кровавых инцидентов обходили район, который контролировал Кудрявый, десятой дорогой. Разумеется, такая мелочь, как квартирный налет, вряд ли могла заинтересовать Кудрявого сама по себе, но кто же знал, что бородатый ублюдок, которого так красиво отделали Тыква с Телескопом, пользуется покровительством местного авторитета!

«Стоп, – мысленно сказал себе Активист, выкапывая из-под груды полотенец пистолет и запасную обойму. – Стоп. Это все ерунда. Главное – откуда он узнал, что это наша работа? Неужели нас кто-то засек? Или... Телескоп? Точно, он. Ну, сука! Отчаянный. Хватило ума заявиться к Кудрявому и сказать: мы, мол, с Активистом в твоём околотке хату поставили. Идиот.»

Спохватившись, он бросился к телефону и набрал номер Тыквы. Он слушал длинные гудки, глядя на часы и мысленно торопя Дынникова, который не то до сих пор спал, не то уже успел куда-то уйти, а может быть, просто не хотел подходить к телефону.

Секундная стрелка раз за разом обегала циферблат, время уходило прямо на глазах, а Тыква не отвечал. Коротко выматерившись, Шараев бросил трубку, достал из тайника деньги, швырнул их в сумку и, натянув на плечи старую кожаную куртку, вышел из квартиры. Ему было неприятно, что приходится бежать вот так, впопыхах, в старой одежде, но выхода не было: «кашлять» с Кудрявым по поводу имевшей место «непонятки» ему совершенно не хотелось.

Сбегая по лестнице с четвертого этажа, он еще раз мысленно проверил себя. Кажется, ничто не было забыто: деньги, оружие, кое-какая одежда, ключи от машины и ключи от дома в деревне, купленного как раз на такой случай через подставное лицо. Об этом доме не знал никто... по крайней мере, не должен был знать. Активист очень надеялся, что эту тайну ему удалось сохранить лучше, чем секрет своего телефонного номера.

Серебристая «Лада» стояла там, где он бросил ее ночью, – прямо посреди двора. Шараев мимоходом удивился тому, что даже в бессознательном состоянии не забыл запереть дверцу. Нашупывая в кармане ключи, он шагнул к машине, и тут дорогу ему преградил неизвестно откуда взявшийся тип в длиннополом кашемировом пальто и белоснежном галстуке. В уголке маленького, похожего на бледный шрам рта этого неприятного субъекта дымилась сигарета, руки были глубоко засунуты в карманы пальто, а глаза смотрели с холодной насмешкой.

– Активист? – почти не шевеля губами, сказал он. – Торопишься? Молодец. К Кудрявому опаздывать нельзя. Только почему с вещами?

Виктор стремительно обернулся, и, конечно же, второй тип, казавшийся точной копией первого, обнаружился прямо у него за спиной.

– Сюрприз, – скаля в недоброй улыбке безупречные зубы, сказал второй тип. – Не ожидал?

– Даже неудобно, – с усилием заставив себя улыбнуться в ответ, сказал Виктор. – Из-за меня одного столько хлопот.

– Дорогому гостю – почет и уважение, – сказал тот, что стоял сзади. – Кудрявый давно к тебе приглядывается.

– Кончайте базар, – прервал их беседу первый мордovorот, выплевывая под ноги окурок. – Кудрявый ждет, а мы стоим тут и светимся на весь район. Давай, Активист, садись за баранку. Дяди хотят прокатиться.

Глава 4

О трех вокзалах речь больше не заходила. Сегодняшний маршрут напоминал повторение вчерашнего: через Театральную площадь и Охотный ряд по Воздвиженке к Новому Арбату, оттуда через Калининский мост на Кутузовский проспект. Проезжая мимо 1812 года улицы, Активист, не поворачивая головы, покосился направо, но тип в кашемировом пальто сидел рядом с ним неподвижно, как манекен, и опять курил сигарету, время от времени вынимая ее изо рта четким механическим движением. Судя по его виду, больше всего его беспокоило, чтобы пепел с кончика сигареты не упал на его кашемировое пальто. Он смотрел прямо перед собой и не произнес ни слова с тех пор, как они проехали Триумфальную арку.

– Куда едем? – в очередной раз спросил Виктор.

– Прямо, – слышалось с заднего сиденья. Тип, сидевший рядом с Активистом, даже не повернул головы.

Виктор перестроился в крайний левый ряд и увеличил скорость. Торопиться ему было некуда, но и поездка в такой компании доставляла ему мало удовольствия. Он всегда поступал именно так: видя, что неприятностей уже не избежать, пер направо навстречу опасности, справедливо полагая, что раньше сядешь – раньше выйдешь. То обстоятельство, что его до сих пор не тронули даже пальцем, вселяло в него осторожный оптимизм: если бы Кудрявый хотел его крови, ему вовсе незачем было затевать всю эту бодягу с телефонными звонками и поездками через весь город. Ему достаточно было послать одного из своих мокрушников с пистолетом, и от Активиста не осталось бы ничего, кроме скромной плиты на каком-нибудь подмосковном кладбище да коротенькой людской памяти.

Выезжая на Можайское шоссе, он не удержался и снова покосился сначала направо, а потом в зеркало заднего вида. Типы в кашемировых пальто были похожи как две капли самогона. Похожи настолько, что временами Виктору начинало казаться, будто у него двоится в глазах.

– Ребята, – не выдержал он наконец, – вы что, близнецы?

– Двоюродные, – сказал тип с заднего сиденья и хохотнул над собственной шуткой.

Его двойник, сидевший справа от Активиста, молча опустил стекло и выбросил окурочок на дорогу.

– За это в наше время штрафуют, – напомнил ему Активист. Он понимал, что зря болтает языком и может нажать крупные неприятности, но удержаться не мог – похоронная серьезность этих шестерок выводила его из равновесия.

Его сосед повернул к нему бесстрастное сухое лицо и некоторое время сверлил холодным взглядом похожих на речную гальку глаз.

– В наше время за многое штрафуют, – сказал он наконец. – Я свои штрафы оплатить могу. А ты?

Это был вопрос по существу, и Виктор не нашелся с ответом. Его платежеспособность, судя по всему, теперь зависела от того, какой именно штраф захочет выписать Кудрявый.

Серебристая «Лада» пересекла кольцевую и пошла по Минскому шоссе, набирая скорость. Когда стрелка спидометра дошла до отметки «сто двадцать», у Виктора мелькнула соблазнительная мысль: вмазаться на полном ходу во встречный самосвал и разом покончить со всеми «непонятками» – как уголовно-финансовыми, так и идейно-политическими.

– Не гони, – сказал близнец, сидевший сзади. – На тот свет всегда успеешь. Через пять километров поворот.

– Значит, не судьба, – сказал Виктор, снижая скорость.

Близнецы не отреагировали. Вскоре показался поворот на проселочную дорогу. Виктор свернул, и машина затряслась по отечественной «щебенке с гребенкой», то и дело с плеском

преодолевая разлегшиеся на всю ширину проезжей части мутно-коричневые лужи. Смутно синевший в отдалении лес постепенно придвинулся, прорисовался во всей своей странно упорядоченной мешанине стволов, ветвей, палой листвы и пестрого подлеска, обступил дорогу с обеих сторон, сомкнулся над ней полупрозрачным кружевным пологом голых сучьев. Дорога, вопреки ожиданиям Активиста, вдруг стала ровнее, а потом без всякого предупреждения превратилась в прямую как стрела, идеально гладкую полосу синевато-серого асфальта. Эта ненормально цивилизованная дорога неприятно напомнила Виктору больничные коридоры: те же чистота и порядок и те же неприятные ассоциации, связанные с болью, страданием и непредсказуемостью конечного результата. Он стиснул зубы, чтобы они ненароком не застучали – нервное напряжение росло. Активист вдруг впервые по-настоящему пожалел женщин. В его теперешнем положении было что-то от положения беременной, которая до смерти боится родов и при этом отлично понимает, что их не избежать. Ситуация, в которой он оказался, так же, как и живот беременной женщины, ни при каких обстоятельствах не могла рассосаться сама собой.

Занятый этими мыслями, он почти не заметил неброских красот утонувшего в сосновом бору тихого дачного поселка. Наконец сидевший рядом с ним тип в кашемировом пальто сделал едва заметный знак рукой, и Активист остановил машину перед глухими железными воротами в высоченном дощатом заборе. В воротах немедленно открылась неприметная калитка, и из нее высунулся амбал в укороченной кожаной куртке. Амбал явно не искал личной популярности и старался не особенно бросаться в глаза, но теперь, когда дорога осталась позади и вот-вот должны были начаться события, Виктор фиксировал окружающее с четкостью шпионской фотокамеры, так что висевший на плече у амбала короткоствольный автомат не остался незамеченным. Разглядев эту деталь, Активист сразу перестал думать об оставшемся в сумке «вальтере» – с таким же успехом можно было мечтать вырваться из этой берлоги, размахивая сачком для бабочек.

– Вылезай, – сказал ему один из близнецов. – Ключи оставь.

Шараев пожал плечами и выбрался из машины, оставив ключи торчать в замке зажигания. Один из типов в кашемировых пальто – он не понял, какой именно, – выбрался следом и немедленно ухватил его за воротник кожанки. Виктор повел плечами, пытаясь высвободиться, но в бок ему уперлось что-то твердое, и он готов был биться об заклад, что это не палец. Охранявший ворота амбал распахнул калитку пошире, равнодушно скользнув по лицу Виктора ничего не выражающим взглядом, и Активиста втокнули внутрь обнесенного забором пространства.

Миновав калитку, Виктор невольно остановился, пытаясь сообразить, что именно не так на этом дачном участке. Раньше, чем неласковая рука конвоира-близнеца чувствительно толкнула его в шею, он понял, в чем дело, и с трудом сдержал нервный смех.

На участке не было дома. От ворот метров на пятнадцать в глубь участка тянулась бетонная подъездная дорожка, на которой стояли два забрызганных грязью джипа, а дальше начинался казавшийся нетронутым лес, на фоне которого почти терялись крытый рубероидом посеребривший дощатый навес для дров и аккуратная, словно с картинки в модном журнале, печь для барбекю под красным черепичным козырьком. Приглядевшись, Виктор заметил между соснами замшелый бетонный оголовок погреба, и это было все.

– Нравится? – спросил сзади близнец. – Давай шевели поршнями.

– Куда шевелить-то?

– Да все прямо, не заблудишься.

Близнец отпустил воротник, и Виктор зашагал по гладкому бетону дорожки мимо двух замызганных джипов напрямик к встававшей впереди них стене леса. У него за спиной с лязгом распахнулись ворота, зафырчал мотор – второй близнец загонял во двор осиротевшую «Ладу».

– Хмуриться не надо, лада, – пробормотал Виктор.

Он шагнул с бетона во влажную после затяжного дождя мертвую траву, вдыхая смешанные запахи осеннего леса и солярки, которой тянуло от джипов. Между стволами сосен вилась едва заметная тропинка, и Виктор бездумно зашагал по ней, слушая, как где-то неподалеку дробно стучит клювом по сосновому стволу неутомимый дятел. Близнец в кашемировом пальто неотступно следовал за ним, как аллегорическая фигура, изображающая злой рок, но Виктор очень быстро выбросил его из головы. В лесу было удивительно хорошо, и он был почти благодарен Кудрявому за то, что его привезли именно сюда.

Через несколько минут лес внезапно поредел и расступился, открыв взгляду Активиста травянистый песчаный обрывчик, темное зеркало узкой речушки и пологий противоположный берег, густо заросший какими-то облетевшими кустами. Позади кустов стояли все те же сосны и березы, а из черной воды тут и там торчали корявые, обесцвеченные комли затонувших деревьев и их кривые сучья, похожие на воздетые в предсмертной мольбе руки утопающих.

Над обрывом стоял раскладной столик, на котором красовался квадратный хрустальный графин с янтарной жидкостью и несколько блюд с закуской. Рядом в плетеном кресле сидел лысый как колено человек лет пятидесяти пяти, одетый в щегольский белоснежный плащ, угольно-черные брюки с зеленоватым отливом и лакированные туфли с квадратными носами. Шею его украшал пестрый шелковый шарф, а в унизанных перстнями пальцах левой руки дымилась сигарета. Глаза, похожие на две маленькие зеленые льдинки, остро взглянули на Виктора из-под почти незаметных бровей.

За спиной у Кудрявого по обе стороны от кресла стояли еще два кашемировых пальто. Эти двое, не скрываясь, щеголяли родными смертоубойными «Калашниковыми». Поодаль дымился, распространяя вкусные запахи, закопченный мангал, возле которого вертелся еще один охранник. Этот по причине большой занятости снял свое кашемировое пальто и остался в белоснежной рубашке с засученными рукавами, при галстукке и наплечной кобуре, из которой торчала тяжелая рукоять чего-то очень и очень серьезного. Он сосредоточенно орудовал шампурами, время от времени поливая вспыхивающие угли водой из пластиковой бутылки с таким видом, словно творил сложнейшую операцию по пересадке сетчатки глаза. На Активиста этот деятель даже не взглянул, целиком поглощенный своим важным делом.

Виктор Шараев остановился в нескольких шагах от столика. Картина не нуждалась в комментариях. Это было что-то из средних веков – «Иван Грозный убивает своего сына» или «Утро стрелецкой казни», например. Ему вдруг подумалось, сколько же таких, как он, притаскивали за шиворот и ставили перед такими, как эта лысая сволочь, перед тем как пустить им пулю в затылок. Цифра получалась просто астрономической, и Активист с тоской подумал, что выбрал не ту профессию. Все-таки надо было не грабить награбленное, а стрелять в убийц – и денег больше, и пользы для общества.

– Ну что, красавец, – глядя в сторону, брезгливо проговорил Кудрявый, – начудил и в бега? Ответ держать не хочется?

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Виктор. Терять было нечего.

– Я-то здравствую, – проворчал Кудрявый, – и, надеюсь, буду здравствовать впредь. А вот ты... С тобой сложнее, петушок.

– Петушков поищи вокруг себя, – посоветовал Активист. – Они у тебя породистые, все в одинаковых перьях...

Кашемировый близнец сильно рванул его за плечо, но Кудрявый шевельнул зажатой в пальцах сигаретой, и близнец отступил.

– Молодец, – сказал Кудрявый, – правильно. За базар отвечать надо. Каков вопрос – таков ответ. Соображаешь. Тогда должен понимать, зачем я тебя позвал.

– Извини, Кудрявый, – покачал головой Виктор, – не понимаю.

– Бывает, – Кудрявый медленно кивнул. – Одинаковый, прочисти ему мозги.

Виктор не успел обернуться. Кашемировый близнец сделал бесшумный скользящий шаг вперед и нанес ему один-единственный режущий удар по почкам, от которого Активист тяжело упал на колени.

«Начинается», – подумал он с тоской, глядя, как мельтешат перед глазами черные непрозрачные пятна.

– Все равно не понимаю, – сказал он. – Хоть убей.

Кудрявый ничего не сказал, но сигарета в унизанных перстнями пальцах снова едва заметно шевельнулась, и тяжелый ботинок Одинакового с хрустом ударил Активиста по ребрам, опрокинув его на бок.

Лежать на спутанной, не по-живому мягкой траве было приятно и удивительно покойно, но жесткая рука Одинакового сгребла Активиста за шиворот и поставила на ноги. Виктор попытался выпрямиться, но боль была сильнее, и он мучительно скрючился, уступая ей. Его светло-голубые джинсы испачкались, из прокушенной губы медленным ручейком текла кровь.

– Приведите этих, – сказал Кудрявый, вложив в последнее слово целую тонну холодного презрения.

Активисту наконец удалось выпрямиться, и теперь он мог без помех наблюдать, как Одинаковый-2 конвоирует перед светлые очи Кудрявого тройцу измороженных почти до неузнаваемости людей. Одного взгляда ему хватило вполне, и он стал смотреть на противоположный берег реки, где в корягах лениво плескалась крупная рыба.

– Знаешь их? – словно издавдала, донесся до него голос Кудрявого.

– Двоих знаю, – ответил он, указывая подбородком на Тыкву и Телескопа. – Мои люди. За что ты их так?

– Твои люди? – переспросил Кудрявый. – И этот сучий потрох тоже твой? – Он пренебрежительно ткнул сигаретой в Телескопа.

– Был мой.

– Ладно, с этим позже разберемся. А этот?

Дымящийся кончик сигареты с наросшим на нем кривым столбиком пепла переместился в сторону скукоженного, который где-то потерял свой коричневый зонт, но зато приобрел множество синяков и ссадин.

– Какой-то хмырь, – равнодушно сказал Виктор. – Впервые его вижу.

Новый страшный удар обрушился на него сзади. Земля косо метнулась навстречу и больно ударила Активиста по лицу.

– Дурак ты, Одинаковый, – невнятно сказал он, лежа лицом в землю. – Так же убить можно.

– Ну а ты что скажешь? – услышал он голос Кудрявого. – Знаешь его?

– Он это, – торопливо и сипло отозвался скукоженный. – Точно, он. Он у них за главного был. Под галстучком, блин. Кабы я знал...

– Ох, дурак, – простонал Виктор, на сей раз имея в виду своего вчерашнего заказчика. – Так и помрешь дураком.

– Это точно, – подтвердил Кудрявый. – Так оно и есть. Уберите его.

Активист медленно, с трудом повернул голову и увидел, как один из Одинаковых, твердо взяв скукоженного под локоть, потащил его куда-то в сторону, в лес. Скукоженный слабо упирался, но шел, обводя присутствующих мутными с перепоя глазами. В опущенной руке Одинакового Виктор рассмотрел пистолет с тяжелым набалдашником глушителя и отвел глаза. Через минуту из-за деревьев донесся глухой хлопок, а потом вернулся Одинаковый. Он был один.

– Ну вот, – поднося к губам свою почти совсем истлевшую сигарету, удовлетворенно сказал Кудрявый, – теперь, когда посторонних нет, можно поговорить о деле. Ты меня обидел, Активист... да ты вставай, вставай, не на пляже... вот так. Спасибо, Одинаковый. Скажи Одинаковому спасибо.

– Закопаю, как картошку, – пообещал Одинаковому Виктор, глядя прямо в его гладко выбритое, лишенное выражения лицо.

Вместо ответа Одинаковий коротко ударил его в подбородок. Активист упал.

– Хватит! – резко прикрикнул Кудрявый. – некогда мне смотреть, как он тут валяется. Подними его и отойди в сторонку. Так вот, – продолжал он, когда Шараева снова поставили на попу, как свернутый в рулон ковер, – ты меня обидел. Ты же знал, что лезешь в мой район. Нехорошо лезть в чужой район, Активист. Ты мне нравишься, но поставь себя на мое место. Человек мне платит за то, что мои люди его защищают, и вдруг приходишь ты, ломаешь дверь, бьешь его по лицу и забираешь деньги... Более того, ты забираешь даже марафет! Тебе наплевать, что у человека будет ломка. Как в такой ситуации выгляжу я?

– Хреново ты выглядишь, – улыбнувшись окровавленными губами, сказал Виктор.

– О! – Кудрявый вскинул к небу указательный палец. – Вот именно – хреново! А по чьей вине? Человек приходит и говорит: Кудрявый, ты моя крыша, так будь добр, сделай так, чтобы мои бабки и мой марафет снова были у меня, а эти хулиганы в масках забыли номер моей квартиры. Как я должен поступить?

– Ладно, – сказал Виктор. – Ладно, черт подери! Деньги я верну, марафет тоже. Заработаю и верну.

– Украдешь и вернешь, – поправил его Кудрявый. – Зарабатывать ты не умеешь. Завтра привезешь сюда сто тысяч.

– Сколько?!

– Не булькай, Витенька. Или, по-твоему, моя обида ничего не стоит? А мои хлопоты? Сто штук, и ни центом меньше.

– Стреляй, – сказал Активист. – Чего ждать до завтра?

– Ты получишь пулю последним, – пообещал Кудрявый. – Сначала эти двое, – он кивнул в сторону Тыквы и Телескопа, – потом его сестра, с которой ты так мило резвился...

Тыква вскинул голову и рванулся вперед, но тот из Одинаковых, что был ближе, сбил его с ног и пнул в лицо. Тыква скорчился на траве и затих, лишь изредка с шумом втягивая в себя кровавую слизь.

– А пока ребята будут развлекаться с девчонкой, – продолжал Кудрявый, – кто-нибудь смотается в город и привезет твою старушку мать. Ее мы тоже уьем не сразу. Она еще успеет спеть «Интернационал», сидя на колу. Это будет веселое зрелище, лучше, чем в кино.

Виктор на мгновение закрыл глаза. «Подохнуть бы, – подумал он. – Ведь бывает же у людей разрыв сердца!» Он знал, что Кудрявый никогда не тратит времени на пустые угрозы, и готов был завить от безысходности.

– Все это ничего не меняет, – сказал он. – Мне негде достать сто тысяч.

Телескоп вдруг сорвался с места и бросился к лесу. Одинаковий даже не шевельнулся. Когда очкарик пробежал мимо мангала, орудовавший там охранник с ловкостью фокусника выдернул из закопченного железного ящика тлеющее полено и огрел им Телескопа по шее. Очкарик завизжал, как попавший в силки заяц, и с разгона ткнулся носом в траву. Воротник его кожанки дымился. Один из кашемировых близнецов не спеша подошел к нему и принялся методично обрабатывать ногами его бока и голову.

– Другой на моем месте сказал бы, что это твои проблемы, – лениво обронил Кудрявый, слегка морщась от издаваемых Телескопом звуков. – Но я готов пойти тебе навстречу. В надежде на дальнейшее сотрудничество.

Он замолчал и слегка подался назад, давая охраннику в белой рубашке выложить на блюдо готовый шашлык. Пока тот очищал шампур, он налил себе из графина и резким движением выплеснул содержимое рюмки в рот.

– Есть у меня на примете одно дело, – продолжал Кудрявый, жуя ломтик лимона. – Сделаешь – и должок отдашь, и с наваром будешь.

– Какой навар? – поинтересовался Активист без особого энтузиазма.

– Такой же, как должок – сто штук, – ответил Кудрявый.

Лежавший на земле Тыква перестал хлюпать носом и поднял голову. Лицо у него было перемазано кровью и грязью, и блестящие в прорезях этой жутковатой маски глаза казались неестественно яркими.

– Навар ты, надо думать, мне в гроб положишь? – спросил Виктор.

– Это как сработает. Вернешься живым и с товаром – получишь деньги из рук в руки. Вернешься без товара – получишь пулю. Не вернешься – вырежу всю семью... всех, кто тебя, сучонка, знал, до седьмого колена вырежу, чтобы духу твоего на земле не осталось.

– Очень заманчивое предложение, – сказал Виктор и поразился себе: оказывается, он еще был в состоянии иронизировать.

– Да ты не бледней, – отправляя в рот кусок мяса, успокоил его Кудрявый. – Это я для остротки... чтобы, значит, у тебя неудачных мыслей не возникло. Дело-то плевое. Пошел, взял, ушел. Вернулся, получил свою долю и свалил.

– Ну и сделал бы сам, – уперся Виктор. – Дело-то плевое.

– Светиться мне на этом деле неохота, – сообщил Кудрявый. – И потом, зачем мне о всякую мелочь мараться, когда у меня теперь ты есть? В общем, это все гнилой базар. Либо делай дело, либо гони должок. Это две дороги. Третья – на кладбище. Выбирай, Активист.

– Выпить дай, – сказал Виктор.

Кудрявый одобрительно кивнул и поманил пальцем одного из охранников. Тот молча кивнул, куда-то ушел и вскоре вернулся с граненым стаканом. Кудрявый щедрой рукой наполнил стакан до краев и протянул Виктору.

– пей.

Активист с силой выдохнул воздух и в три огромных глотка, давясь и обливаясь, осушил стакан. В стакане оказалось первосортное виски. Виктор ощутил внутри себя мягкий, бесшумный взрыв, глаза заволокло туманом, а голова сделалась легкой и кристально чистой. Он не глядя уронил стакан под ноги и полез во внутренний карман куртки. Одинаковый, который стоял у него за спиной, шагнул к нему, но Кудрявый жестом остановил своего пса. Виктор вынул из кармана сигареты и закурил, морщась от боли в разбитых губах. Он больше не смотрел на реку и встававшую за ней стену корабельного леса. Теперь он не отрываясь смотрел в лицо Кудрявому, торопливо пытаясь просчитать варианты и точно зная, что шансов на спасение нет или почти нет.

Докурив, он бросил окурочек на землю и наступил на него подошвой.

– Говори, – сказал он. – Какой товар, где – в общем, давай наводку.

– Товар хороший, – медленно проговорил Кудрявый, глядя куда-то в сторону. – Марафет.

– Нет, – сказал Виктор. – Я не согласен. Что угодно, только не марафет.

– Ответ неверный, – по-прежнему разглядывая нечто находившееся где-то за левым плечом Виктора, сказал Кудрявый. – Попробуй еще раз.

Виктор опять не успел увернуться, и удар Одинакового бросил его на землю. Он перевернулся на спину, поймал Одинакового за ногу, резко крутанул и сделал подсечку. Кашемировый близнец перевернулся в воздухе и ничком упал в траву. Виктор вскочил, сжимая в ладони подвернувшийся под руку стакан, и залепил им в середину физиономии второму близнецу, который, бросив потерявшего сознание Телескопа, поторопился на помощь брату. Стакан лопнул с неприятным хрустом. Виктор порезал руку, а Одинаковый опрокинулся на спину, прижимая обе ладони к окровавленному лицу. Активист повернулся к первому близнецу. Тот уже был на ногах. Он почти не запачкался, и именно это обстоятельство почему-то больше всего взбесило Виктора. Одним прыжком преодолев разделявшее их расстояние, он нанес сокрушительный удар, от которого зубы кашемирового ублюдка должны были брызнуть во все стороны.

Одинаковый спокойно блокировал удар, и в следующее мгновение под ложечкой у Виктора словно взорвалась бомба. Его согнуло пополам, и очередная бомба обрушилась на шею. Одинаковый бил расчетливо, причиняя максимальные страдания, но не давая сознанию Виктора отключиться. Через несколько секунд к нему присоединился второй Одинаковый, и они затеяли на лужайке над обрывом странную игру, издали немного напоминавшую футбол.

Кудрявый не мешал им. Откинувшись на спинку плетеного кресла, он вплотную занялся шашлыком. Один из стоявших у него за спиной автоматчиков принес бутылку красного вина и наполнил тонкостенный бокал. Кудрявый с аппетитом поглощал мясо, запивая его вином, и время от времени принимался разглядывать пейзаж сквозь бокал.

Запыхавшиеся близнецы в распахнутых пальто и запятнанных красным белоснежных шарфах пинками прокатили мимо него переставшего сопротивляться Активиста и столкнули его с невысокого обрыва. Внизу раздался тяжелый всплеск. Один из близнецов, скинув прямо на траву запачканное кровью дорогое пальто, прыгнул следом, ухватил лежавшего лицом вниз на прибрежной отмели Активиста за волосы, оттащил его подальше от берега и окунул головой в воду. Некоторое время Шараев не подавал признаков жизни, потом вдруг начал конвульсивно биться, булькая и пуская пузыри. Одинаковый, бешено скаля безупречные зубы, удерживал его голову под водой. Кровь, сочившаяся из порезанных крыльев его носа, редким дождем капала в реку.

– Не увлекайся, Одинаковый, – не оборачиваясь, сказал ему Кудрявый. – Спроси, может, он передумал?

Одинаковый рывком выдернул голову Активиста из воды.

– Кудрявый спрашивает: может, ты передумал? – прорычал он.

Виктор мучительно закашлялся, трясая головой и разбрасывая во все стороны тяжелые ледяные брызги. Потом его вырвало водой пополам с кровью, и наконец он нашел в себе силы едва слышно прохрипеть:

– Да.

– Он говорит, да! – продублировал его ответ Одинаковый.

– Хорошо, – сказал Кудрявый. – Оставь его.

Одинаковый выпустил волосы Виктора, и тот снова упал в воду, едва не захлебнувшись. Пока он слабо барахтался на полуметровой глубине, борясь за свою жизнь, его мучитель успел легко и словно бы вовсе без напряжения вскарабкаться на обрыв. Кудрявый жестом отпустил его, и Одинаковый зашагал к джипам – переодеваться и заклеивать пластырем порезы на физиономии.

Прошло не менее получаса, прежде чем Виктору удалось взобраться на низенький, высотой чуть больше человеческого роста обрыв. Несколько раз он срывался, с плеском падая обратно в воду и увлекая за собой целые груды песка. Но в конце концов и эта пытка кончилась, и он обессиленно вытянулся на краю обрыва, положив голову на откинутую в сторону руку.

Кудрявый к этому времени успел расправиться с шашлыком и теперь, развернувшись лицом к реке, с интересом наблюдал за потугами Активиста, мелкими глотками попивая благородный скотч и покуривая американскую сигарету. Когда Шараев выполз наконец на край обрыва и улегся там, тяжело дыша и закрыв глаза, Кудрявый снова заговорил:

– Это тебе наука, сопляк: на чужой каравай рот не разевай. Еще раз залезешь ко мне в карман – подохнешь, как собака, и могилу никто не найдет. Сейчас ступай домой, отлежись и подумай. Убегать не пытайся – из-под земли достану. Уберите их, – повернулся он к охране.

Через несколько минут Активист, Тыква и Телескоп оказались за воротами. Негреющее осеннее солнце уже спряталось за верхушки деревьев, в лесу быстро темнело. Шараев огляделся по сторонам, но машины нигде не было видно. Он полез в карман куртки и с отвращением выгреб оттуда совершенно размокшую пачку сигарет.

– С-суки, – процедил он. – Козлы.

– Насчет козлов, – вмешался Тыква. Он стоял напротив Виктора, слегка покачиваясь, и смотрел на него в упор. Лицо его напоминало жуткую африканскую маску, и Активист подумал, что его собственная физиономия наверняка выглядит немногим лучше.

– Ты что-то хочешь сказать? – устало спросил он, стараясь не выпускать из поля зрения Телескопа, который уныло раскачивался из стороны в сторону, сидя прямо на дороге. Очки его куда-то исчезли, а вся физиономия была причудливо разрисована подсохшими кровавыми разводами.

– Сказать? – медленно переспросил Тыква. – Я думал, это ты хочешь мне что-то сказать.

– Про Машку, что ли?

– Допустим.

– Черт, нашел время... Слушай, ты ведь ей не муж, а всего-навсего брат. Бабе семнадцать лет. Много ты знаешь девственниц семнадцати лет? Или ты предпочел бы, чтобы ее трахал какой-нибудь сопляк с невымытым членом и с косяком на губе? Где-нибудь в подвале на гряде угля, а? Это было бы лучше?

– Ты, козел, – прохрипел Тыква, страшновато вращая глазами. – Она моя сестра, понял? Ты трахал мою сестру!

– Ну и что? – все так же устало спросил Активист. – Хочешь дать в морду? Давай, только поскорее. Надоело здесь торчать.

Тыква нерешительно поднял кулак и бессильно уронил его вниз. Вяло махнув рукой, он повернулся к Активисту спиной и медленно побрел по дороге в сторону шоссе.

Шараев пожал плечами и двинулся следом – просто потому, что больше идти было некуда. Оглянувшись, он увидел, что Телескоп плетется за ним, отставая метров на десять-пятнадцать. С Телескопом еще следовало разобраться, но сейчас у Активиста не было на это ни сил, ни желания.

На машину они наткнулись в полукилометре от дачного поселка, недалеко от выезда на шоссе. Серебристая «Лада» сиротливо стояла у обочины. Ключ торчал в замке зажигания. Активист обессиленно опустился на водительское сиденье и первым делом полез в пепельницу. Выбрав бычок подлиннее, он закурил и, подождав, пока Тыква и Телескоп усядутся, запустил двигатель. Привычно обежав взглядом приборную панель, он обнаружил, что указатель расхода топлива стоит на нуле.

– А, чтоб ты сдох, – проворчал он и выключил зажигание.

– Что? – спросил Тыква.

– Бензина нет. Надо заправиться.

– Чем заправиться?

– Канистра в багажнике. Помоги.

– Помоги тебе... – буркнул Тыква. – Половой гигант.

– Перестань, – поморщившись, сказал Виктор. – Ну хочешь, я от нее отвалю?

– Да какая теперь разница, – вздохнул Тыква и тяжело полез из машины.

Виктор прихватил ключи и выбрался следом. Вдвоем они подошли к багажнику и заглянули вовнутрь. Канистра была на месте. Кроме канистры, в багажнике находился труп в белоглазобой болоньевой курточке, грязных джинсах и расшлепанных белых кроссовках. Голова его была прострелена навывлет, и весь багажник был перепачкан кровью. В углу, рядом с запаской, стояла дорожная сумка Активиста, поверх которой, брошенный чьей-то торопливой рукой, валялся его старенький «вальтер». Активист молча взял пистолет в руку и понюхал ствол. От ствола остро разило пороховой гарью.

– Ага, – ответил он на вопросительный взгляд Тыквы. – А ты как думал?

– Вот же суки, – почти простонал тот. – Вот животные!

– А что? – устало сказал Активист. – Очень удобно. Нам теперь долго придется за ними дерьмо выгребать.

Тыква хватил кулаком по крыше кабины, зашипел от боли и ринулся к задней дверце.

– Нет, – сказал он, – я его все-таки убью! Вылезай, урод! – зарычал он, распахивая дверцу. – Вылезай, долбаный стукач, я тебя кончать буду!

Рывком выдернув из машины скрюченного, прикрывающего руками голову Телескопа, он швырнул его на грязную обочину и успел дважды пнуть в живот, прежде чем Активист остановил избиение.

– Погоди, – сказал Шараев.

– Зачем это?

– Затем, что лучше втроем хоронить одного, чем вдвоем – двоих. Чувствуешь разницу?

Тыква неохотно отступил в сторону. Видно было, что он непрочь выместить зло на первом подвернувшемся объекте.

– Вставай, козел, – сказал он Телескопу.

– Ребята, – прошептал Телескоп, – да вы что? За что?

– А то не знаешь? – спросил Активист, с усталым интересом разглядывая этот экземпляр. – Эх ты, Эдя... съел медведя. Ну, притырил бабки. Ну, получил в пятак. Казалось бы, в расчете. Зачем же было к Кудрявому бежать? Стучать зачем? Что ж ты наделал-то, недоумок?

– Я? – Телескоп стоял на коленях. – Я?! Да как ты мог подумать? Да чтобы я... С бабками – да, бес попутал. Чего там, думаю, все равно никто не видел. Но чтобы на своих стучать... Да чего там! На себя стучать – что я, совсем больной? Что я, Кудрявого не знаю? До сих пор удивляюсь, как он нас живыми выпустил.

– Еще не выпустил, – утешил его Активист. – Ну а если не ты, то кто тогда?

– Да почему я знаю! Может, хмырь этот, который в багажнике. Клиент небось догадался, кто нас на него навел, и сразу к Кудрявому. Ну а Кудрявый спрашивать умеет.

– Ладно, – устало сказал Активист. – Ладно. Пропади оно все пропадом. Давайте копать.

– Ты что, поверил? – вмешался Тыква.

– Да откуда я знаю! Поверил, не поверил... А на дело мы что, вдвоем пойдем? Потом разберемся. Копать надо, а то устроили профсоюзный митинг вокруг свежего жмурика...

Уже совсем стемнело, когда они забросали могилу сухими ветками, заправили машину и двинулись в сторону Москвы. За рулем сидел Тыква, которому досталось меньше, чем Шараяву. Впрочем, ему тоже основательно перепало, так что серебристая «Лада», пересекая Московскую кольцевую автодорогу, двигалась с превышением скорости всего-навсего десять километров в час.

Глава 5

Глеб Сиверов проснулся и не сразу понял, где находится. Вокруг было темно и тихо, лишь где-то на самой границе слышимости раздавался негромкий плеск воды. Он прислушался к себе, проверяя, не бьется ли в дальнем уголке подсознания колокольчик тревоги, но внутренний сторож безмолвствовал. Глебу было тепло и уютно, но щеки и нос почему-то мерзли, и, обратив внимание на это странное обстоятельство, он окончательно проснулся и вспомнил, что находится на задании.

Выпростав из мягкого тепла левую руку, он поднес к глазам запястье. Светящиеся стрелки хронометра показывали без нескольких минут семь. Если верить календарю, до восхода солнца оставалось чуть больше получаса, а значит, вот-вот должно было начать светать.

Глаза уже привыкли к темноте, и Глеб не стал включать фонарик. Расстегнув «молнию» швейцарского армейского спальника на гагачьем пуху, он сел и торопливо обулся, морщась от ледяных прикосновений настывшей за ночь обуви. Набросив на плечи поношенный офицерский бушлат, он отстегнул полог и выбрался из палатки, глубоко вдыхая холодный воздух, в котором уже явственно ощущалось ледяное дыхание близкой зимы.

Небо на востоке уже начало сереть, наливаясь жемчужным предутренним светом. Трава вокруг палатки тускло серебрилась и тихонько похрустывала под ногой, схваченная ночным заморозком. Обрубленный капот стоявшего поодаль потрепанного «виллиса» с полувековым трудовым стажем и фальшивыми номерами стал сизым от тонкого слоя инея, ветровое стекло потеряло прозрачность, сделавшись молочно-белым. Дрова прогорели, но кострище было еще теплым. Глеб поворошил золу, положил сверху немного хвороста и, опустившись на корточки, раздул небольшой огонь.

Грея руки над робким пламенем, он смотрел, как ширится и становится все ярче полоска света над восточным краем горизонта. Над рекой завис холодный туман. Лес позади молчал – птицам, которые еще оставались там, было не до песен.

Подбросив в огонь несколько веток, Слепой вернулся в палатку и вынул из рюкзака трехлитровый термос с кофе. Термос был хороший, и кофе еще не совсем остыл. Глеб выпил три чашки подряд, стоя перед палаткой и наблюдая за тем, как все отчетливее выступают из редяющей темноты очертания предметов.

Палатка тоже была старенькая, армейского образца, из выбеленного солнцем и дождями защитного брезента. Вместе с «виллисом» и линялым офицерским бушлатом с прожженными у костра полами она создавала вполне определенный стереотип, как нельзя более устраивавший в данный момент капитана ФСБ Глеба Сиверова.

Допив кофе, он снова посмотрел на часы. Пора было забрасывать удочки.

Хрустя замерзшей травой, он подошел к «виллису» и, пошарив за сиденьем, вынул оттуда две удочки – пластиковый «телескоп» с катушкой и антикварную бамбуковую трехколенку с самодельным поплавком. Трехколенка принадлежала лично полковнику Малахову, и тот вполне серьезно предупредил Слепого, что за удочку он отвечает головой.

Собирая удочку и разматывая леску, Глеб сдержанно улыбнулся воспоминанию. Пожилой, слегка мужиковатый полковник чем-то неуловимо нравился ему. Было в нем что-то располагающее. Конечно, на поверку все это могло оказаться лишь частью тщательно создаваемого имиджа, но в таком случае полковник Малахов был достоин восхищения как великий лицедей.

Забросив подальше в реку два голых крючка, Слепой положил удилица на вбитые в илистое дно деревянные рогульки и установил рядом с ними складной алюминиевый стульчик с брезентовым сиденьем. Теперь маскировка была доведена до совершенства: глядя с проходящей поверху вдоль границы леса дороги можно было увидеть только чудаковатого рыбака, скорее всего военного пенсионера, который решил в последний раз перед наступлением зимы

выбраться на рыбалку с ночевкой. Особой надежды поймать хоть что-нибудь в это время года у него, конечно, не было, но понять такого рыбака было можно: сезон сезоном, а отдых отдыхом.

На минуту Глеб даже пожалел, что не захватил с собой наживку: забрасывать в реку голые крючки в такое утро казалось просто кошунством. Но удочки, на которые хотя бы теоретически могло что-нибудь клюнуть, обязательно отвлекали бы его от главной задачи – совсем чуть-чуть, но даже такой малости он не мог себе позволить.

Слепой уселся на стульчик спиной к дороге и стал ждать, делая вид, что смотрит на поплавки, и в глубине души жалея о том, что нельзя выкурить сигаретку. Установленное им самим в незапамятные времена правило категорически запрещало курить во время выполнения задания. Отчего и почему это правило появилось на свет, Глеб уже не помнил, но оно вошло в плоть и кровь и, кроме того, было одной из немногих ниточек, связывавших Слепого с прошлым.

Он запустил руку в карман, вынул краюху ржаного хлеба и начал неторопливо жевать, глядя на поплавки. Ему показалось, что один из них дрогнул, но это было простым обманом зрения – рыба в подмосковных водоемах давным-давно поуменьла, а экземпляры постарше могли бы, пожалуй писать целые диссертации о способах рыбной ловли и видах рыбацких снастей, так что насчет клева можно было не беспокоиться.

По дороге проехала машина. Глеб осторожно покосился на нее через плечо, хотя и знал, что машина не та – для той, которую он поджидал, было рановато, да и звук двигателя был совсем другой.

Спустя полчаса, громыхая плохо закрепленными бортами и тяжело переваливаясь на ухабах, мимо прокатился грузовик, явно направляясь на дальнюю ферму. Водитель прокричал в открытое окошко что-то неразборчивое, и Глеб, не оборачиваясь, помахал в ответ рукой.

Солнце уже успело приподняться над горизонтом и превратиться из кроваво-красного круга в слепящее желто-белое пятно, когда издали послышался негромкий уверенный гул мощного двигателя. Глеб втянул голову в плечи и повыше поднял воротник бушлата, краешком глаза косясь назад, на дорогу.

Из-за поворота вынырнул огромный, высоко посаженный «шевроле-блейзер» темно-серого цвета. Слепой подвигал удочкой, делая вид, что меняет наживку. Когда внедорожник скрылся из вида, он осторожно положил удочку обратно на рогульку, оглянулся по сторонам и быстро встал.

Нырнув в палатку, он переобулся, сменив высокие болотные сапоги с отворотами на удобные ботинки из мягкой кожи на гибкой резиновой подошве. Стеснявший движения бушлат полетел в сторону. Прихватив из «виллиса» брезентовый чехол с ружьем, Слепой быстро поднялся на дорогу, пересек ее и нырнул в густой подлесок.

Здесь он остановился, расчехлил двустволку, собрал ее и зарядил. Один патрон был с пулей, другой – с картечью, которая могла остановить на бегу крупного лося. Со щелчком ставя стволы на место, Слепой скупно улыбнулся: пассажиры серого «блейзера» приехали сюда именно за лосем.

Глеб вынул из кармана компас и засек направление. Ему предстояло пройти по азимуту около трех километров. Этот короткий марш-бросок должен был вывести его в тыл одного из номеров – того самого, на котором должен был стоять нужный ему человек. Слепой потратил на подготовку к операции пять дней, хотя задача – застрелить одного-единственного человека – не выглядела слишком сложной. Это было его первое задание с тех пор, как он вернулся, и первая операция, которую он должен был провести по поручению полковника Малахова, так что любые предосторожности не казались ему излишними.

Почти не производя шума, Слепой быстро шел по лесу, лишь изредка бросая короткий взгляд на компас, чтобы сверить направление, и всякий раз убеждаясь, что идет по азимуту,

как по нитке, – старые навыки никуда не делись, они накрепко въелись в мозг, и вытравить их оттуда могла только смерть.

Автоматически считая шаги, Глеб мысленно повторил все, что он знал о своей потенциальной жертве. Журналист Дмитрий Шуляк эмигрировал в Штаты в восемьдесят восьмом году и сделал быструю карьеру на одной из радиостанций, которая вела вещание сначала на Советский Союз, а потом, после его распада, на СНГ. По данным ГРУ, стремительный взлет Шуляка объяснялся активным сотрудничеством с американскими спецслужбами. Помнится, дочитав принесенную Малаховым распечатку до этого места, Слепой с сомнением приподнял брови: это звучало, как фраза из бездарного шпионского романа времен «железного занавеса». Заметив и правильно оценив его пантомиму, полковник Малахов скупно усмехнулся и сказал: «Ты читай, читай».

Интерес такой серьезной конторы, как ЦРУ, к такому незначительному объекту, каким являлся сбежавший из перестроечного бардака журналист Шуляк, объяснялся просто: Шуляк обладал фотографической памятью и мог со слуха запоминать любой текст – по сто и более страниц за раз. Это был уникальный шпионский прибор, не нуждавшийся в техническом оснащении и прочих сложностях. Ему не нужно было прятать микропленки в дуплах коренных зубов – он просто садился за компьютер где-нибудь в Лэнгли и начинал страницу за страницей воспроизводить секретные документы и чертежи. Удостоверение журналиста радио «Свобода» отрывало ему многие двери и сердца множества бывших сограждан. Шуляку не нужно было взламывать сейфы и перелезать через проволочные ограждения и бетонные заборы: он мог дословно воспроизвести пьяные намеки окосевшего с непривычки доктора наук или слегка перебравшего офицера службы безопасности. Часть полученной таким образом информации Шуляк просто и без затей выдавал в эфир, а то, что представляло прямой интерес для американской разведки, выкладывал во время своих частых – раз в полтора-два месяца – поездок в Штаты.

Список шпионских операций, в совершении которых подозревали Шуляка, читался, как приключенческий роман. Но подозрения оставались подозрениями – взять Шуляка с поличным было практически невозможно. Не существовало никаких улик, на основании которых его можно было бы взять за кадык и упечь за решетку лет на двадцать пять. Шуляк был неуязвим, и, дочитав ориентировку до конца, Глеб вспомнил Гайдара и описанного им солдата по кличке Феномен с точно такой же памятью. «Не в тебя я стреляю, – вспомнилось ему, – а во вредное для нашего дела донесение.»

«Помните Гайдара?» – спросил он тогда у полковника. – «Гайдара? – переспросил полковник. – Не помню. То есть, помню конечно: Тимур там, что-то такое про голубую чашку... Только при чем тут Шуляк?» – «Действительно, – сказал Глеб, – при чем тут Шуляк?»

Он перепрыгнул заросшую впадину, похожую на старый окоп, и снова посмотрел на компас. Этого можно было не делать – он шел по прямой, как винтовочная пуля. По его подсчетам, до места оставалось чуть больше километра.

Послезавтра Шуляк вылетал в Нью-Йорк. Что именно он вез своим хозяевам на этот раз, Глеб Сиверов не знал, но полагал, что это было что-то очень важное, раз полковник Малахов решил действовать на свой страх и риск. Нельзя было исключать и такого варианта, при котором инициатива исходила откуда-то сверху. Глеба не интересовали нюансы, дело представлялось ему вполне очевидным. Он был офицером, в обязанности которого входила защита интересов государства, а Шуляк – агентом иностранной разведки, деятельность которого следовало немедленно пресечь. Это был самый настоящий иностранный шпион, а не репортер районной газеты, ненароком скинувший в Интернет компромат на председателя передового колхоза. Следовательно, рассуждать здесь было не о чем, а то обстоятельство, что журналиста в Нью-Йорке ждали жена и двое детей, ничего не меняло: Шуляк был взрослым мужчиной и сам сделал свой выбор.

Глеб замедлил шаг и пошел осторожнее. Теперь он скользил по лесу бесшумной тенью – глаза за притемненными стеклами очков прищурены, руки в перчатках крепко сжимают потертую ложу охотничьего ружья. Вскоре он услышал в отдалении негромкие голоса и пошел еще тише: он был у цели. «Шевроле» с охотниками описал почти полный круг по проселочным дорогам, в то время как Слепой двигался по прямой, так что к этому моменту стрелки только-только начали становиться на номера.

Друзья Шуляка по установившейся у них доброй традиции вывезли свободного журналиста на прощальную охоту, чтобы у себя в Нью-Йорке он мог похвастаться фотографией трофея. В досье, которое принес Слепому полковник Малахов, были копии таких снимков: Шуляк, попирающий ногой в американском армейском ботинке голову лося; Шуляк в той же позе, но уже с кабаном; Шуляк, поднимающий над головой две безвольно обвисшие заячьи тушки; Шуляк, отрубающий огромным тесаком пушистый волчий хвост... Судя по этим снимкам, Дмитрий Шуляк был заядлым охотником и неплохим стрелком. Слепой тем не менее полагал, что журналисту есть чему поучиться: ни разу в жизни этот меткий стрелок не выступал в качестве мишени.

«Ну вот, – с горькой иронией подумал Глеб, медленно, как капля по наклонной плоскости, скользя в сторону островка молодых сосенок, в котором, по его расчету, должен был засесть Шуляк. – Стоит включить телевизор, как журналисты начинают жаловаться, что в них стреляют. Последнее это дело – стрелять в журналистов. А теперь вот и я туда же. Только я же не виноват, что журналистика для Шуляка – всего-навсего прикрытие, которым он к тому же пользуется довольно небрежно».

Он прошел в нескольких шагах за спиной у высокого бородача в пятнистом бушлате и пограничной широкополой панаме, который, положив стволы ружья на развилку старой облетевшей березы, внимательно смотрел прямо перед собой. Глеб усмехнулся: что-то, а радость удачного выстрела кому-то из приятелей Шуляка была сегодня гарантирована. Об этом по просьбе Глеба позаботился полковник Малахов – не лично, конечно же, а через одного из своих сотрудников, который наверняка был сильно смущен и заинтригован полученным заданием.

Миновав бородастого стрелка, Глеб пригнулся еще ниже, стелясь над самой землей. Вскоре он увидел Шуляка. Заняв удобную огневую позицию, Глеб стал разглядывать журналиста, не в силах избавиться от мысли, что является последним, кто видит этого человека живым.

Шуляк сосредоточенно жевал резинку, небрежно держа под мышкой дорожную вертикалку с ложей красного дерева, покрытой затейливой резьбой. Вороненые стволы тускло поблескивали на неярком утреннем солнце. Мелковатая нижняя челюсть журналиста размеренно двигалась, отчего бледное лицо с редкими вислыми усами ходило ходуном. Серо-голубые глаза за стеклами сильных очков были внимательно сощурены, а вязаная лыжная шапочка сдвинута далеко на затылок, обнажив могучий выпуклый лоб и слипшиеся от пота жидкие пряди белесых волос. На нем была не новая, сильно потертая на швах, но когда-то, несомненно, очень дорогая кожаная куртка, криво перетянутая в поясе тяжелым патронташем. Рядом с патронташем болтался огромный охотничий нож в тисненых кожаных ножнах – естественно, тот самый, которым Шуляк на фотографии отсекал хвост мертвому волку. Слепой подобрался к нему почти вплотную и снова залег, не издав ни единого звука. Мишень была на загляденье, и Глеб даже заскучал: этих горе-охотников можно было передуть одним за другим голыми руками, и ни один из них ничего не заподозрил бы.

Теперь оставалось только ждать. У охотников наверняка был свой сценарий, но Глеб знал, что события пойдут по плану, намеченному им совместно с полковником Малаховым, – просто потому, что в его плане не было места случайностям.

Через некоторое время до его слуха долетел отдаленный слабый звук – где-то хрустнула ветка. Глеб стиснул зубы и скрестил пальцы на обеих руках, моля Бога и судьбу, чтобы чертово травоядное не испортило ему всю обедню. Хруст веток раздавался все ближе, и наконец Шуляк

тоже услышал. Он насторожился, вынул изо рта жвачку, прилепил неаппетитный белый комочек к ложе ружья и поднял оружие на уровень глаз, прижавшись щекой к отполированному дереву приклада.

Глеб тоже поднял ружье и повел стволами, лова на мушку обтянутый потертой коричневой кожей бок журналиста. Покачав головой, он перевел стволы выше, целясь в висок, потом снова опустил их. С ним творилось что-то неладное: впервые за долгие годы он не был уверен, что попадет, хотя мишень как на ладони, а расстояние не превышало десятка метров. Охотничье ружье вдруг показалось ему страшно неудобным: слишком легкое, слишком хрупкое, с мизерной мушкой и неподвижной прицельной планкой, рассчитанное не на точность выстрела, а на то, что из сотни выпущенных из него картечин хотя бы десяток как-нибудь да угодит в цель, размерами превосходящую трехстворчатый шкаф.

Приближающийся хруст веток сделался громче. Кто-то напрямик ломился через лес – кто-то огромный, тяжелый, мерно сопящий и цепляющийся за шершавые стволы деревьев широкими шерстистыми боками. Плечи прильнувшего к ружью Шуляка закаменели от напряжения, и наблюдавший его в профиль Глеб видел, как на левой щеке играет, то появляясь, то исчезая, подвижный, как ртуть, желвак. Слепой осторожно положил ружье на землю и вытер вспотевшие ладони о камуфляжную куртку. «Да у меня никак мандраж, – почти весело подумал он. – Ай да Слепой! Знал бы Малахов – заболел бы от огорчения.»

В тот момент, когда он снова прижал к плечу обшарпанный деревянный приклад, в просвете между ветвей мелькнуло что-то большое, темно-коричневое. Где-то неподалеку шараянул выстрел, потом еще один, бурое пятно метнулось, хрустя валежником, Шуляк хищно подался вперед, и Глеб увидел, как напрягся палец на спусковом крючке двустволки. Сомнения вмиг исчезли. Слепой плавно поднял ружье и выстрелил дуплетом в тот самый момент, когда вертикалка Шуляка с грохотом выбросила из дула длинный снопок бледно-оранжевого пламени.

Глеб успел заметить, как голова журналиста словно взорвалась, брызнув во все стороны красным. Шум от его падения был поглощен тяжелым треском, с которым медленно завалилась, содрогаясь в предсмертных конвульсиях, огромная туша подстреленного зверя. Поодаль кто-то издал радостный вопль, который был подхвачен еще дальше.

Глеб быстро отполз метров на двадцать назад и замер, прислушиваясь.

– Есть! – орал кто-то. Похоже, это был тот самый бородач в пограничной панаме. – Митька, есть! Не пойму только, кто его завалил – ты или я. Слышь, Шуляк? Клиент созрел! Где ты там? Мужики, сюда, мы с Митькой его завалили! Ух, здоров! Ух, силен! А рога! Здоров сохатый!

Глеб отполз еще на пару метров, но остановился, решив дослушать до конца. Уверенность бородача в том, что они подстрелили именно лося, поколебала его собственную уверенность в обратном.

Послышались треск веток, голоса других охотников, одобрительные восклицания с оттенком черной зависти, и вдруг чей-то насмешливый голос громко и отчетливо произнес:

– Это, что ли, ваш сохатый? Закусывать надо, ребята.

– Мать твою, это ж корова! – с веселым удивлением произнес другой. – Ну, Серега, ты снайпер!

– Да это не я, это Митька, – мгновенно пошел на попятный бородач. – Эй, Шуляк, ты где? Совсем одичал в своей Америке, корову от лося отличить не можешь! Митька, выходи, не стесняйся, здесь все свои!

Некоторое время все звали Шуляка, активно хрустя ветвями, – видимо, искали. Потом кто-то придушенно охнул и сказал сдавленным голосом:

– Серега, а Серега... Если в корову стрелял Шуляк, то куда, спрашивается, стрелял ты?

– Чего? – переспросил бородач и вдруг замолчал так резко, словно в глотку ему с размаха загнали кляп.

Слепой, пятясь, отполз еще дальше в лес, осторожно поднялся на ноги, повернулся спиной к месту трагедии, которая еще до наступления темноты будет занесена в милицейские сводки как несчастный случай на охоте, и пустился бежать размеренной рысью, легко огибая деревья и перепрыгивая через замшелые, черные от влаги пни. Он остановился всего один раз, чтобы быстро засунуть ружье в присмотренную заранее барсучью нору. После этого он каблуком обрушил нависавший над норой земляной козырек, бросил сверху охапку хвороста и побежал дальше, пытаясь убедить себя, что не слышал душераздирающего вопля, который издал бородатый истребитель колхозного скота, детально разглядев тело своего приятеля.

Добежав до дороги, он остановился, немного подышал носом и только после этого неторопливо пересек грунтовку, на всякий случай поддергивая штаны, словно отлучался в лес по нужде. Возвращаясь, он ни разу не взглянул на компас, но палатка и «виллис» оказались точно перед ним. Глеб не спеша спустился с откоса, вынул из палатки бушлат, набросил его на плечи и вернулся к удочкам. Через десять с небольшим минут темно-серый «шевроле-блейзер», натужно ревя двигателем, на бешеной скорости пронесся мимо, направляясь в сторону Москвы. Никто из пассажиров внедорожника не обратил внимания на чудака в потрепанном офицерском бушлате, который сидел над заброшенными в реку удочками и курил, методично окутываясь густыми облаками табачного дыма.

Выждав некоторое время, Слепой неторопливо залил костер, смотал удочки, свернул палатку и погрузил все свое добро в помятый кузов «виллиса». Выбросив из-под колес фонтан травы и песка, старый вездеход рывком преодолел подъем, козлом выпрыгнул на дорогу, рыкнул, выплюнув из выхлопной трубы сизое облако дыма, и через несколько секунд скрылся за поворотом.

* * *

– Чистая работа, – сказал полковник Малахов, выключая телевизор, по которому только что передали сообщение о трагической гибели репортера радио «Свобода» Дмитрия Шуляка, случайно застреленного во время охоты на лося.

– Жалко парня, – сказал Глеб, внимательно наблюдая за реакцией полковника. Они все еще присматривались друг к другу, хорошо зная, что личная симпатия – плохой советчик в их профессии.

Седоватые брови полковника удивленно поползли вверх и застряли там, казалось, навсегда. Некоторое время они так и торчали посреди собравшегося гармошкой полковничьего лба, совершая там какие-то неуверенные движения, а потом резко нырнули вниз – полковник понял, о ком идет речь.

– Ах, этого, – сказал он. – Как его? Сергея Гусятникова, кажется? А что его жалеть? Его ведь выпустили – еще вчера, насколько я понял. Двенадцати часов не просидел. Даже по телевизору сказали: несчастный случай. Чистая работа, молодец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.